

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

•••

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

•••

КАФЕДРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

•••

КЛУБ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
(ежегодник)

ВЫПУСК 3

Пермь 2020

PERM STATE UNIVERSITY

• • •

FACULTY OF LAW

• • •

DEPARTMENT OF ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

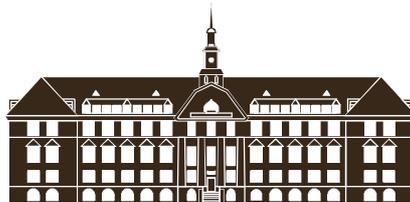
• • •

THE CLUB OF ENTREPRENEURSHIP LAW

URGENT ISSUES

OF THE ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

ISSUE 3

Perm 2020

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

А43

Ответственные редакторы: В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов

А43 **Актуальные** проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: сборник научных статей (ежегодник) / отв. ред. В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – 98 с.

В сборник входят работы молодых ученых (студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей), представленные на научных конференциях, организуемых кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ. К публикации в сборнике принимаются оригинальные исследовательские работы по актуальным проблемам предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, одобренные научными руководителями авторов статей.

Ежегодное издание предназначено для научных и практических работников. Главная цель сборника – популяризация исследований молодых ученых-юристов.

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

*Печатается по решению кафедры
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Г. Голубцов – заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, заместитель председателя оргкомитета Пермского конгресса ученых-юристов, доктор юридических наук, профессор.

Д. Н. Латыпов – доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, кандидат юридических наук.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 9978-5-7944-3468-2 (вып. 3)

© Пермский государственный
национальный исследовательский университет, 2020

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

Chief Editors: V. G. GOLUBTSOV, D. N. LATYPOV

Urgent issues of the entrepreneurship law, civil litigation and arbitration: collection of academic articles (annual issue) / chief editors V. G. Golubtsov, D. N. Latypov; Perm State University. – Perm, 2020. – 98 p.

The collection includes the articles of young scientists (undergraduates, graduate students, postgraduates and professors) presented at the scientific conferences organized by the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University. Original research papers focused on current issues of the law of obligations, arbitration process are accepted after they are approved by the scientific supervisors of the authors.

This publication is recommended for scholars and practitioners. The main goal of the collection is to popularize the studies of young lawyers.

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

*The proceedings is published according to the decision
of the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process,
Perm State University*

EDITORIAL TEAM:

V. G. Golubtsov – Head of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at Perm State University, Deputy chairperson of the Organizing Committee of the Perm Congress of Lawyers, Doctor of law, Professor.

D. N. Latypov – Associate Professor of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at Perm State University, Candidate of Law Sciences.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 9978-5-7944-3468-2 (issue 3)

© Perm State University, 2020

Содержание

Богданов А. В. Оспаривание ненормативного правового акта как этап при взыскании убытков с публично-правового образования	7
Вяткина П. В. Проблемы унификации и дифференциации упрощенных форм судопроизводства в цивилистическом процессе	12
Ефимов К. А. Применение дефиниции «финансовый инструмент» в судебной практике	16
Латыпов Д. Н. Отдельные вопросы защиты гражданских прав владельцев неделимой недвижимой вещи при совершении сделок с ее частями	20
Лунегова В. П. Объект, содержание и субъекты фидуциарного корпоративного отношения в публичной корпорации	24
Любимова Е. В. Алгоритм передачи дела по подсудности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами	28
Назаров М. Ю. Подзаконное регулирование мультимодальной перевозки груза ...	32
Носкова Е. А. Актуальные проблемы процедуры медиации в арбитражном процессе	37
Ожегова Д. В. Правовой механизм и направления совершенствования электронного правосудия в цивилистическом процессе	41
Сазонова Е. Г. Ответственность сторон по договору номинального счета	46
Сафронова Е. О. Правовая природа органа юридического лица: законодательные и доктринальные подходы	51
Столбов И. В. К вопросу о некоторых особенностях реализации процедур банкротства застройщиков	55
Суханова М. Г. Формирование в судебной практике подходов к очередности удовлетворения требований кредиторов в деле о банкротстве	59
Сыропятова Н. В. К вопросу о последствиях неисполнения банком решения налогового органа о приостановлении операций по счетам	64
Сятчихин А. В. Обязанность по уплате вознаграждения арбитражному управляющему со стороны конкурсного кредитора как заявителя по делу о банкротстве	69
Федяев Д. А. Заочное производство в свете процессуальной реформы	73
Францева А. А. К вопросу об оценке кредитоспособности заемщика – физического лица	81
Чагаева О. В. Историческое развитие взглядов ученых в возникновении электронных доказательств в гражданском процессе России	86
Чикулаев Р. В. Правовая конструкция опциона в действующем законодательстве о финансовых инструментах	91

Content

BOGDANOV A. V. The Challenging a Non-Normative Legal Act as a Stage in Collecting Damages from a Public Legal Entity	7
VYATKINA P. V. Problems of Unification and Differentiation of Summary Forms of Proceedings in the Civil Procedure	12
EFIMOV K. A. To the Use of the Definition "Financial Instrument" In Judicial Practice	16
LATYPOV D. N. Separate Issues of Protection of Civil Rights of Owners of an Independent Real Estate When Transactions with Its Part	20
LUNEGOVA V. P. The Object, Content and Subjects of Fiducial Corporate Relationship in a Public Corporation	24
LUBIMOVA E. V. Algorithm for Transferring Cases by Jurisdiction Between Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts	28
Nazarov M. Yu. By-Law Regulation of Multimodal Cargo Transportation...	32
NOSKOVA E. A. Actual Problems of Procedure of Mediation in Arbitration Process	37
Ozhegova D. V. The Legal Mechanism and Directions for Improvement Electronic Justice in the Civil Process	41
SAZONOVA E. G. Responsibility of the Parties Under the Contract of the Nominal Account	46
SAFRONOVA E. O. Legal Nature of a Body of Legal Entity: Legislative and Doctrinal Approaches	51
STOLBOV I. V. To the Question of Certain Peculiarities of Implementation of Procedures of Bankruptcy of Developers	55
SUKHANOVA M. G. The Development of the Approach to the Legal Priority of Creditors in Judicial Practice on Bankruptcy Proceedings	59
SYROPIATOVA N. V. To the Question Of The Consequences of the Bank's Non-Compliance With the Decision of the Tax Authority on the Suspension of Account Operations	64
SYATCHIKHIN A. V. Obligation to Finance the Arbitration Administrator of the Creditor as an Applicant Bankruptcy	69
FEDYAEV D. A. Trials in Absentia in the Light of Procedural Reform	73
FRANTSEVA A. A. To the Question about Credit Rating the Borrower – the Physical Person..	81
CHAGAEVA O. V. Historical Development of the Views of Scientists on the Origin of Electronic Evidence in the Civil Process of Russia	86
CHIKULAEV R. V. Legal Construction of an Option in the Modern Financial Instruments Legislation	91

ОСПАРИВАНИЕ НЕНОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА КАК ЭТАП ПРИ ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ С ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируется необходимость установления в ходе судебного спора неправомерного характера действий (бездействия) органов, наделенных публичными полномочиями, при взыскании убытков с публично-правового образования. Рассматриваются административный и исковой порядки защиты нарушенных прав субъекта предпринимательской деятельности применительно к процессу взыскания убытков с причинителя вреда. Автор приходит к выводу о необязательности самостоятельного оспаривания ненормативного правового акта в ходе административного процесса как этапа при взыскании убытков с публично-правового образования и возможности установления неправомерности акта деликвента в ходе искового процесса о взыскании убытков.

Ключевые слова: взыскание убытков, органы государственной власти, органы муниципальной власти, оспаривание ненормативного правового акта, бремя доказывания, исковая давность, неправомерность действий (бездействия) причинителя вреда.

A. V. Bogdanov
Perm State University

THE CHALLENGING A NON-NORMATIVE LEGAL ACT AS A STAGE IN COLLECTING DAMAGES FROM A PUBLIC LEGAL ENTITY

The article analyzes the need to establish in the course of a court dispute the illegal nature of actions (inaction) of public authorities when collecting damages from a public legal entity. The article deals with administrative and claim procedures for the protection of violated rights of a business entity in relation to the process of recovery of losses from the causer of harm. The author comes to the conclusion that it is not necessary to independently challenge a non-normative legal act during the administrative process as a stage in the recovery of damages from a public legal entity and that it is possible to establish the illegality of the tort act during the claim process for recovery of damages.

Keywords: recovery of damages, state authorities, municipal authorities, challenging a non-normative legal act, burden of proof, Statute of limitations, illegality of actions (inaction) of the tortfeasor.

В гражданском обороте нередко возникают ситуации, когда в результате принятия неправомерных ненормативно-правовых актов или совершения неправомерных действий (бездействия) органами государственной или муниципальной власти у субъектов предпринимательской деятельности возникают убытки.

Особую актуальность вопрос о взыскании убытков, возникших у предпринимателей в результате принятия органами государственной или муниципальной власти неправомερных ненормативных правовых актов, решений, совершения действий или бездействия приобретает в условиях пандемии, когда количество ненормативных правовых актов, создающих ограничения в сфере предпринимательской деятельности, существенно возрастает и не все из таких решений соответствуют законодательству.

Исходя из общих положений о генеральном деликте, для взыскания убытков потерпевшему требуется доказать совокупность следующих обстоятельств:

- 1) противоправный характер действий (бездействия) причинителя вреда;
- 2) наличие убытков у потерпевшего и их размер;
- 3) причинно-следственную связь между действиями (бездействием) причинителя вреда и возникшими у истца убытками;
- 4) вину причинителя вреда.

Для установления противоправного характера ненормативного правового акта, действий (бездействия) и вины причинителя вреда зачастую на практике используется процесс по оспариванию ненормативного правового акта, действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти в порядке административного производства.

Вместе с тем противоправный характер действий (бездействия) причинителя вреда является как предметом доказывания в процессе об оспаривании ненормативного правового акта, действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти, так и является одним из ключевых элементов предмета доказывания в иске о взыскании убытков.

При этом бремя доказывания данного обстоятельства распределяется в данных процессах по-разному: в исковом процессе – это бремя доказывания истца, заявляющего требование о взыскании убытков, а в публично-правовом процессе о признании недействительным ненормативно-правового акта, незаконными решений, действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти – доказывание правомерности акта входит в обязанность органа, принявшего соответствующий акт, решение, совершившего действия (бездействие).

Указанное положение установлено в части 5 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса РФ, предусматривающей, что обязанность доказывания соответствия оспариваемого ненормативного правового акта, решения, действий (бездействия), а также наличия у соответствующего органа полномочий по принятию такого акта, решения или совершения действий (бездействия) возлагается на орган, наделенный публичными полномочиями.

В комментариях к данной норме исследователи отмечают, что такое перераспределение бремени доказывания обусловлено предположением наличия у органа, наделенного публичными полномочиями, как более сильной стороны

в административном споре, больших по сравнению с заявителем организационно-правовых возможностей для защиты¹.

Поэтому заявителю нередко целесообразнее сперва оспорить неправомерный нормативный правовой акт, а затем уже выйти с иском о взыскании убытков к соответствующему органу, наделенному публичными полномочиями.

Различаются и сроки, заявления соответствующих требований: если в процессе по оспариванию ненормативного правового акта установлен трехмесячный срок для подачи заявления об оспаривании, исчисляемый с того момента, когда заявитель узнал или должен был узнать о том, что оспариваемый акт нарушает его права и законные интересы (ч. 4 ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса РФ), то в исковом процессе о взыскании убытков действует общий срок исковой давности – 3 года. Указанное обстоятельство является очень важным для заявителя, так как пропуск срока на оспаривание ненормативного правового акта сам по себе не лишает потерпевшего права на взыскание убытков, которые возникли в результате принятия таких «не оспоренных» ненормативно-правовых актов, решений, совершения действий (бездействия) органами государственной или муниципальной власти.

Первым элементом, который необходимо установить при рассмотрении иска о взыскании убытков, возникших в результате совершения деликта, является противоправный характер действий (бездействия) деликвента. Исходя из общего правила вред, причиненный правомерными действиями, возмещению не подлежит.

Взыскателю необходимо доказать нарушение актом органа государственной или муниципальной власти предписаний закона и, как следствие, нарушение своих прав и законных интересов.

Противоправность действий (бездействия) деликвента является необходимым элементом предмета доказывания как в судебном споре о взыскании убытков, так и в процессе по рассмотрению заявления об оспаривании незаконного ненормативно-правового акта.

Зачастую предприниматели предпочитают использовать двухэтапный алгоритм при взыскании убытков с органа государственной или муниципальной власти, чьими действиями (бездействием) причинены убытки:

первый этап – это признание незаконными действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти, повлекших возникновение убытков;

второй этап – это непосредственно инициирование судебного процесса о взыскании убытков, причиненных незаконными действиями (бездействием) органа государственной или муниципальной власти, противоправный характер которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

При такой последовательности оспаривания и взыскания убытков в судебном процессе о взыскании убытков решение суда о признании ненормативного правового акта незаконным будет носить преюдициальный характер в вопросе доказывания двух элементов состава деликта:

- неправомерности действий (бездействия) причинителя вреда;
- вины причинителя вреда.

При этом вина причинителя вреда предполагается, так как в гражданском праве установлена презумпция вины правонарушителя, который должен доказать отсутствие своей вины в правонарушении (п. 2 ст. 410 и п. 2 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ, абз. 4 п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»), т.е. принятие им всех мер по его предотвращению, установленных исходя из применимого стандарта поведения. Поскольку причинитель предполагается виновным, потерпевший от правонарушения не обязан доказывать вину нарушителя, а последний сам должен доказать ее отсутствие для освобождения от ответственности².

Установление самого факта противоправного характера действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти, безусловно, свидетельствует о вине соответствующего органа.

Отсутствие же судебного решения, установившего противоправный характер действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти, не исключает возможности заявления требования о взыскании убытков с причинителя вреда.

Как разъяснил в своем информационном письме Президиум ВАС РФ, тот факт, что ненормативный правовой акт не был признан в судебном порядке недействительным, а решение или действия (бездействие) государственного органа – незаконными, сам по себе не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного таким актом, решением или действиями (бездействием). В названном случае суд оценивает законность соответствующего ненормативного акта, решения или действий (бездействия) государственного или муниципального органа (должностного лица) при рассмотрении иска о возмещении вреда (п. 4)³.

Верховный Суд РФ подтвердил указанную правовую позицию и дополнительно указал, что право выбора порядка защиты своих нарушенных прав принадлежит субъекту предпринимательской деятельности – это может быть как сочетание нескольких способов защиты своего субъективного гражданского права: оспаривание правоприменительного акта и предъявление требования о взыскании убытков по основанию незаконности такого акта, так и непосредственное предъявление иска о взыскании убытков, причиненных в результате принятия незаконного ненормативного правового акта⁴.

При этом необходимо отметить, что при выборе субъектом предпринимательской деятельности для защиты своих нарушенных прав двухэтапного порядка взыскания убытков (оспаривание ненормативного правового акта и последующее взыскание убытков) срок исковой давности по требованию о возмеще-

нии вреда, причиненного принятием органами, наделенными публичными полномочиями, не соответствующих закону ненормативно-правовых актов, решений, и совершения незаконных действий (бездействия) не течет в период рассмотрения арбитражным судом заявления об оспаривании соответствующих актов, решений, действий (бездействия).

Как указал Верховный Суд РФ в определении №303-ЭС19-7300 от 17 сентября 2019 г. действующий правопорядок не исключает возможность непосредственного обращения заинтересованного лица в суд с иском о возмещении вреда, причиненного публично-правовым образованием в сфере его властной деятельности. Тот факт, что ненормативный правовой акт не был признан в судебном порядке недействительным, а решение или действия (бездействие) государственного органа – незаконными, сам по себе не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного таким актом, решением или действиями (бездействием). В названном случае суд оценивает законность соответствующего ненормативного акта, решения или действий (бездействия) государственного или муниципального органа (должностного лица) при рассмотрении иска о возмещении вреда⁵.

Предварительное оспаривание ненормативного правового акта, в результате принятия которого истцу были причинены убытки, в самостоятельном процессе не является обязательным для последующего взыскания убытков с органа, наделенного публичными полномочиями, должностного лица, принявшими такой акт, но на практике отсутствие вступившего в законную силу решения суда о признании ненормативного правового акта недействительным, решения, действий (бездействия) незаконными возлагает на истца бремя доказывания неправомерности такого акта при взыскании убытков, поскольку до момента такого признания соответствующие акт, решение, действия (бездействие) органа государственной или муниципальной власти презюмируются законными.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Разделы III–VII: постатейный научно-практический комментарий / В. А. Баранов, О. Н. Белоусов, А. Н. Береснев и др.; под общ. ред. В. А. Гуреева; науч. ред. В. В. Гуцин. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2013. Вып. III–IV. 576 с.
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2019. 575 с.
3. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 г. № 145 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 8.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 303-ЭС19-7300 по делу № А51-1928/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

П. В. Вяткина
студент, ПГНИУ
Научный руководитель: Д. А. Федяев

ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УПРОЩЕННЫХ ФОРМ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуется возможность унификации института упрощенного производства путем сравнительного анализа норм АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ. Автором допускается возможность унификации норм, но с сохранением элементов дифференциации, которые, в первую очередь, связаны с предметом регулирования каждой из отраслей процессуального права, но отчасти являются следствием дефектов правового регулирования и различий организационно технических возможностей судов.

Ключевые слова: упрощенное производство; приказное производство; дифференциация; унификация; цивилистический процесс.

P. V. Vyatkina
Student, Perm State University
Supervisor: D. A. Fedyaev

PROBLEMS OF UNIFICATION AND DIFFERENTIATION OF SUMMARY FORMS OF PROCEEDINGS IN THE CIVIL PROCEDURE

The article is researching the possibility of unification of the Institute summary proceedings by a comparison of the norms of the Commercial (Arbitrazh) Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Administrative Procedure Code of the Russian Federation. The author admits the unification of standards with retaining elements of differentiation that are associated with the subject of regulation of each of the branches of procedural law. But they are partly the result of defects in legal regulation and differences in the organizational and technical capabilities of courts differentiation unification; civil procedure.

В настоящее время большое внимание уделяется реформированию процессуального законодательства. Многие ученые процессуалисты предполагают возможность унификации процессуального законодательства, что привело к разработке Концепции единого гражданского процессуального кодекса¹. Реформирование законодательства не должен быть спонтанным и кардинальным, это постепенный процесс, поэтому необходимо отслеживать тенденции, анализировать изменения законодательства.

В соответствии с федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»² создание необходимых условий для эффективного осуществления правосудия и обеспечения его доступности объявлены приоритетными задачами судебно-правовой реформы. Одним из способов повышения доступности и эффективности правосудия является появление упрощенных форм судопроизводства в гражданском, арбитражном и административном процессе.

Так возможна ли унификация упрощенных форм судопроизводства в цивилистическом процессе вплоть до отождествления или есть основания для дифференциации?

Процесс унификации ставит своей целью обеспечить единообразие в регулировании сходных или совпадающих правоотношений путем сокращения объема нормативного материала, устранить излишнюю дифференциацию и различия в правовом регулировании¹. На сегодняшний день идет активный процесс унификации цивилистического процесса. Верховным Судом Российской Федерации в 2017 году был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Большая часть положений проекта была направлена на унификацию цивилистических процессов, разработчики, в частности, увидели необходимость выработки конструктивного подхода к развитию упрощенных производств.

В пользу тенденции к унификации говорит само структурное деление глав, посвященных упрощенному и приказному производству. Так глава 33 Кодекса Административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), глава 21.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и глава 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) включают в свое содержание, во-первых, вопросы о порядке упрощенного производства, во-вторых, дела, которые возможно рассматривать в данном порядке, в-третьих, процессуальные особенности рассмотрения дел и в-четвертых, особенности, связанные с вынесением, вступлением в силу, обжалованием и исполнением решения суда.

Относительно структуры глав, посвященных приказному производству, также можно заметить их очевидное сходство. Главы 11 ГПК РФ, 29.1 АПК РФ и 11.1 КАС РФ включают в себя нормы, посвященные: 1) понятию судебного приказа, требования, по которым возможно вынесение судебного приказа; 2) форме и содержанию заявления о выдаче приказа; 3) основаниям для возвращения или отказа в принятии приказа; 4) порядку вынесения приказа; 5) содержанию приказа; 6) его отмене и выдаче.

Схожими являются и критерии отнесения дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства, это их малозначительность в основном. Во всех рассматриваемых нами кодексах предусмотрена возможность рассмотрения любых дел в упрощенном порядке при наличии ходатайства истца и согласия ответчика, в АПК и ГПК возможен еще и вариант, когда дела рассматриваются в данном порядке по инициативе суда и с согласия сторон.

В случае с приказным производством, как в АПК, ГПК, так и в КАС РФ, в делах подлежащих рассмотрению в данном порядке должен отсутствовать спор о праве, иначе судья отказывает в принятии заявления о вынесения судебного приказа.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о запущенном процессе унификации института упрощенных форм производства в цивилистическом процессе, но процессу унификации всегда противостоит дифференциация.

Известно, что приказное производство заимствовано отраслью арбитражного процессуального права и административного процессуального права из гражданского процесса, а упрощенное производство в гражданском и административном процессе берет свое начало от норм арбитражного процессуального права, но не наблюдается полная тождественность данных институтов, что, в первую очередь, свидетельствует о наличии элементов дифференциации.

Под дифференциацией понимается установление процессуальным законодательством различного регулирования порядка рассмотрения и разрешения дел в суде в зависимости от особенностей материального правоотношения, которое лежит в их основе, а также от характера и размера самого требования³.

Дифференциация проявляется в определении максимальной суммы по требованиям о взыскании денежных средств. Так приказное производство в КАС РФ предусматривает рассмотрение заявления о взыскании обязательных платежей и санкций независимо от суммы иска, единственным условием является бесспорность данного требования (ст. 123.4 КАС РФ). АПК РФ предусматривает возможность рассмотрения в порядке приказного производства те же требования, но устанавливает для них максимальную сумму в 100 тысяч рублей, а также предусматривает возможность рассмотрения той же категории дел в порядке упрощенного производства, но общий размер требований в данном случае не должен превышать 200 тысяч рублей (ст. 229.2 АПК РФ). В упрощенном производстве также установлены отличные предельные цены исков, оправдывается это различным материальным положением участников гражданского, административного процесса и субъектов предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, отступления от унификации иногда могут быть подвергнуты критике. Так, необоснованно не урегулирован по аналогии с АПК РФ срок рассмотрения дел в порядке упрощенного производства в КАС РФ. В ГПК РФ данная норма была введена Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ⁴.

Примером дифференциации правового регулирования упрощенного судопроизводства является возможность у участников арбитражного процесса, в отличие от участников гражданского процесса подавать документы через сеть Интернет. На данном этапе унификация этого положения затруднительна, поскольку существенно отличаются организационно-технические возможности судов общей юрисдикции, но данный пример дифференциации можно рассматривать в качестве возможности для дальнейшей унификации, если данный способ регулирования окажется эффективнее⁵.

Дифференциация наблюдается также в определении категорий дел, не подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства, но данные отличия обусловлены в первую очередь разницей в материально-правовых отношениях, которые лежат в основе разграничения компетенций.

Подводя итоги, можно сказать, что дифференциация в регулировании упрощенных форм производств в цивилистическом процессе имеет объективные предпосылки, связанные с предметом регулирования каждой из отраслей процессуального права. Наблюдаемое, различие в регулировании не всегда можно признать необходимым, в некоторых случаях это является лишь следствием недоработанности отдельных правовых норм, что в некоторых случаях может быть обусловлено правовым «экспериментом», проводимым законодателем для выявления наиболее эффективного регулирования.

Литература

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2012 г. № 1406 (ред. от 25.12.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Потапенко Е. Г. Унификация права: понятие, формы, методы (в контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. №3.
4. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации поправок к проекту федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 июня 2018 № 20 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Медведева Е. В. Тенденции дифференциации и унификации в упрощённых производствах цивилистического процесса // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 2 (55). С. 34-40.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 28 нояб. 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Российская газета. 2018. № 272.
7. Федяев Д. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: унификации или дифференциации правового регулирования // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 391–399.

К. А. Ефимов
студент, ПГНИУ

Научный руководитель: к.ю.н., к.э.н., доцент Р. В. Чикулаев

ПРИМЕНЕНИЕ ДЕФИНИЦИИ «ФИНАНСОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ» В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Проводится анализ актов судебной практики, в которых использовано понятие «финансовый инструмент» при разрешении гражданско-правовых споров. При этом выявлены ситуации, при которых понятие «финансовый инструмент» применено не в соответствии с его легальным значением. Предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики по делам, связанным с финансовыми инструментами.

Ключевые слова: финансовый инструмент, кредитный договор, договор займа, депозит, финансовый ковенант, договор ипотеки.

TO THE USE OF THE DEFINITION "FINANCIAL INSTRUMENT" IN JUDICIAL PRACTICE

K. A. Efimov
Student, Perm State University
Supervisor: R. V. Chikulaev

The article analyzes the acts of judicial practice, which use the definition of "financial instrument" in the resolution of civil disputes. At the same time, there are situations in which the concept of "financial instrument" is not applied in accordance with its legal meaning. Ways to improve law enforcement practice in cases involving financial instruments are suggested.

Keywords: financial instrument, credit agreement, loan agreement, Deposit, financial covenants, the mortgage agreement.

В соответствии с подпунктом 22 пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» (далее – ФЗ «О РЦБ»), финансовыми инструментами признаются ценные бумаги и производные финансовые инструменты (далее – ПФИ)¹. Несмотря на существование закрепленной в законе дефиниции «финансовый инструмент», в российской судебной практике встречаются случаи применения данной дефиниции также и в иных значениях.

Так, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 18 декабря 2017 г., указал: «Изменение цены за поставляемый газ в сторону увеличения является финансовым инструментом стимулирования покупателей газа, направленным на создание благоприятных условий для потребителей своевре-

менно вносящим оплату за выбранный ими газ»². Данный вывод был поддержан и Арбитражным судом Уральского округа³.

Также в Постановлении от 17 января 2018 г. Арбитражный суд Уральского округа указал, что обязанность по уплате страховых взносов по дополнительным тарифам представляет собой «зужесточение» для работодателей, создающих для своих работников вредные и тяжелые условия труда, выступая финансовым инструментом, призванным улучшить условия труда на рабочих местах, снизить риск профессиональных заболеваний среди работников⁴.

В свою очередь, в Постановлении от 10 апреля 2017 г. Арбитражный суд Московского округа указал следующее: «Под финансовыми инструментами понимается: Договор займа, каждый обеспечительный документ, любой иной документ, обозначенный таковым Первоначальным кредитором и Заемщиком. Под обеспечительным документом в соответствии с пунктом 1.1 Договора новации понимается, в том числе: Договор ипотеки в отношении нежилого помещения». То есть, к финансовому инструменту суд отнес и договор ипотеки⁵. Также к числу финансовых инструментов был отнесен и «финансовый ковенант» – условие кредитного договора, обязывающее заемщика поддерживать ежемесячно определенный суммарный кредитовый оборот по счетам заемщика⁶.

Полагаем, что в приведенных судебных актах подразумевается не финансовый инструмент как таковой, а форма изложения содержания, имеющая целью акцентировать внимание на финансовых преимуществах или иных особенностях финансовых взаимоотношений сторон договора.

Кроме того, в судебной практике наблюдаются неоднозначные интерпретации понятия «финансовый инструмент» в его значении, вытекающем из норм ФЗ о РЦБ.

Так в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 25 февраля 2020 г. к финансовым инструментам, наряду с акциями и сберегательными сертификатами, отнесен банковский вклад⁷. В нескольких Постановлениях Арбитражного суда московского округа к финансовым инструментам в разных ситуациях отнесены депозит⁸, договор кредита⁹, договор займа¹⁰.

При разрешении ряда споров, связанных с кредитными отношениями, арбитражные суды ссылаются на Приложение 1 к Положению Банка России от 28 июля 2017 № 590-П. Указанный нормативный акт предусматривает в частности, что «к денежным требованиям и требованиям, вытекающим из сделок с финансовыми инструментами, признаваемых ссудами, в целях настоящего Положения в том числе относятся предоставленные кредиты (займы), размещенные депозиты, в том числе межбанковские кредиты (депозиты, займы), прочие размещенные средства, включая требования на получение (возврат) долговых ценных бумаг, акций, векселей, драгоценных металлов, предоставленных по договору займа»¹¹.

При этом, в аналитической записке Банка России, не имеющей обязательного нормативно-правового характера, указывается, что к финансовым инстру-

ментам и механизмам рынка долгосрочных инвестирования в инфраструктуру относятся: кредиты, облигации (облигации эмитентов-концессионеров, облигации частных партнёров по соглашениям ГЧП/МЧП, облигации СОПФ в части финансирования инфраструктурных проектов, облигации эмитентов, заключивших иное соглашение с государством в соответствии с законодательством РФ в целях финансирования объектов инфраструктуры), инвестиционные фонды, специализированные общества проектного финансирования и специализированные финансовые общества, субординированные инструменты (субординированные займы, банковские субординированные облигации)¹².

В научной литературе также имеются позиции, предполагающие расширительное толкование понятия «финансовый инструмент», но лишь в доктринальном значении и с учетом перспектив модернизации законодательства. В частности, Р. В. Чикулаев выделяет такие классы финансовых инструментов, как сделки финансового характера и их результаты, а также банковские и расчетно-денежные инструменты¹³. К сделкам финансового характера, в том числе, относится и договор займа – долговая расписка, а к банковским и расчетно-денежным инструментам – кредит, банковский вклад.

В некоторых аспектах действительно видится логически обоснованным относить к числу финансовых инструментов, к примеру, заем, кредит, вклад, прежде всего с учетом их экономического содержания. Показательно, что Е. А. Суханов относит кредит, вклад, заем к обязательствам по оказанию финансовых услуг¹⁴. В свою очередь, в ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» предусматривается следующее: «финансовая услуга – банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц»¹⁵. Тем самым, можно предположить, что как операции с финансовыми инструментами, так и заем, кредит, вклад представляют собой род финансовых услуг.

Однако следует учитывать, что законодатель при конструировании дефиниции финансовых инструментов относит к их числу лишь ценные бумаги и ПФИ. К ценным бумагам, в данном случае, относятся все ценные бумаги, признаваемые таковыми законом или в установленном им порядке. К ПФИ, в соответствии с Указанием Банка России «О видах производных финансовых инструментов», относятся: опционный договор, фьючерсный договор, форвардный договор, своп-договор, а также непоименованный и смешанный договоры¹⁶. Следовательно, к финансовым инструментам с легальных позиций относятся договоры, сами по себе являющиеся ПФИ. Особенностью таких «договоров ПФИ» является то, что цена исполнения по договору завит от цены на базисный актив, что безусловно не свойственно договору займа, договору кредита, договору банковского вклада.

Таким образом, мы полагаем, что использование в текстах судебных постановлений определения «финансовый инструмент» в ряде случаев является не

вполне оправданным, поскольку действующее законодательство не содержит норм, предусматривающих признание тех или иных договоров, ставших предметом спора, в качестве финансовых инструментов. Раскрытые случаи спорного применения и расширительного толкования определения «финансовый инструмент» нельзя считать устоявшейся практикой, такие кейсы являются единичными и ситуативными. Вместе с тем, представляется актуальной задача формирования устойчивой правоприменительной традиции использования понятия финансового инструмента, как в его дефинитивном формальном значении, так и с учетом включения в объем данного понятия других составляющих: ценных бумаг и ПФИ.

Литература

1. О рынке ценных бумаг: Федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 1996. № 79.
2. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2017 № 17АП-17414/2017-ГК по делу № А60-49753/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.03.2018 № Ф09-1080/18 по делу № А60-49753/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.01.2018 № Ф09-8258/17 по делу № А76-7618/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.04.2017 № Ф05-3022/2017 по делу № А40-238900/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.09.2017 № Ф05-12970/2017 по делу № А40-226067/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.02.2020 № Ф09-1620/17 по делу № А07-25477/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.02.2020 № Ф05-5254/2019 по делу № А40-51804/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2018 № Ф05-18340/2016 по делу № А40-249505/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.12.2019 № Ф05-11980/2018 по делу № А40-251578/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности. Положение Банка России от 28.06.2017 № 590-П (ред. от 16.10.2019) // Вестник Банка России. 2017. № 65–66.
12. О состоянии и направлениях развития рынка долгосрочных инвестиций в инфраструктуру России. Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Электронный ресурс. URL: <https://www.cbr.ru/develop/analytics/?CF.Search=&CF.TagId=180&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> (дата обращения: 05.05.2020).
13. Чикулаев Р. В. Правовая природа интеллектуальных финансовых продуктов – финансовых инструментов: постановка проблемы // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сборник научных статей. М.: Статут, 2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2015. – 1208 с.
15. О защите конкуренции: Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Российская газета. 2006. № 162.
16. О видах производных финансовых инструментов. Указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У // Вестник Банка России. 2015. № 28.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ НЕДЕЛИМОЙ НЕДВИЖИМОЙ ВЕЩИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛОК С ЕЕ ЧАСТЯМИ

Статья посвящена проблемным аспектам защиты вещных прав на неделимую недвижимую вещь. Исследуются вопросы о квалифицирующих признаках неделимой вещи, об особенностях распоряжения неделимой вещью. Систематизируется сложившаяся судебная практика по наиболее типичным случаям рассмотрения споров, связанных с обладанием неделимой вещью. Классифицируются наиболее часто встречаемые спорные вопросы относительно исследуемых объектов гражданских прав, рассматриваются применимые надлежащие способы защиты гражданских прав владельцев неделимой недвижимой вещи.

Ключевые слова: способы защиты гражданских прав; неделимая вещь; общая собственность.

D. N. Latypov
Perm State University

SEPARATE ISSUES OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS OF OWNERS OF AN INDEPENDENT REAL ESTATE WHEN TRANSACTIONS WITH ITS PART

The article is devoted to the problematic aspects of the protection of property rights to an indivisible immovable. The questions are examined about the qualifying features of an indivisible thing, about the features of disposing of an indivisible thing. The prevailing judicial practice is systematized on the most typical cases of the consideration of disputes related to the possession of an indivisible thing. The most frequently disputed questions regarding the investigated objects of civil rights are given and classified, the applicable appropriate ways of protecting the civil rights of the owners of the indivisible immovable are studied.

Keywords: ways to protect civil rights; indivisible thing; common property.

Легальное определение «неделимой вещи» содержится в статье 133 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Согласно пункту 1 статьи 133 ГК РФ вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части.

Под назначением вещи необходимо понимать обычное хозяйственное назначение той или иной неделимой вещи (такое понимание «назначения» встре-

чается, к примеру, в постановлении 13ААС от 5 декабря 2018 г. № 13АП-27446/2018 по делу № А26-13446/2017).

Согласно разъяснениям, данным в постановлении Президиума ВАС РФ от 5 апреля 2005 г. № 15318/04, признание вещи неделимой влечет за собой определенные правовые последствия: часть ее не может быть предметом самостоятельных гражданских прав.

В силу пункта 4 статьи 133 ГК РФ отношения по поводу долей в праве собственности на неделимую вещь регулируются правилами главы 16, статьи 1168 ГК РФ.

С момента образования неделимой вещи ее составные части утрачивают свойство самостоятельных вещей, а сособственники, которым принадлежали составные части до создания неделимой вещи, вправе использовать предусмотренные законом способы защиты своих прав на неделимый объект, в том числе и в отношениях между собой, в частности, они не лишены права требовать признания общей долевой собственности на данный неделимый объект, определения размера принадлежащих им долей в праве собственности на него (ст. 245 ГК РФ), а также определения порядка владения, пользования и распоряжения этим объектом (ст. 247 ГК РФ), равно как и распределения расходов по содержанию имущества, находящегося в долевой собственности (ст. 249 ГК РФ).

Таким образом, квалификация вещи в качестве неделимой означает распространение режима общей собственности на такую вещь. При этом с учетом положений пункта 3 статьи 244 ГК РФ презюмируется общая долевая собственность.

Согласно пункту 1 статьи 246 ГК РФ распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников.

Из указанной правовой нормы следует, что наличие согласия всех собственников долевого имущества необходимо, как при его отчуждении из общей долевой собственности, так и при решении вопроса об уменьшении размера общего имущества (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2019 № 5-КГ19-144).

При этом даже сама по себе возможность получения дохода от использования имущества, находящегося в долевой собственности, соразмерно своей доле в праве, не предоставляет право одному из собственников осуществлять единоличные распорядительные действия в отношении всего имущества в целом (определение Верховного Суда РФ от 17.12.2018 № 307-ЭС18-20438 по делу № А52-3642/2017).

Таким образом, право собственников владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом не может быть истолковано как позволяющее одному собственнику нарушать те же самые права других собственников, а интерес одного собственника противопоставлять интересам остальных собственников. Такой подход сформулирован в определении Верховного Суда РФ от 15 ноября 2019 г. № 305-ЭС19-13573.

Аналогичное толкование приведенных норм права дано Верховным Судом Российской Федерации в пункте 39 «Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 декабря 2013 г., а также в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 304-ЭС16-10165.

Таким образом, любые распорядительные сделки с имуществом, находящимся в общей долевой собственности (в рассматриваемом случае – с неделимой вещью), в отсутствие согласия всех участников долевой собственности квалифицируются в качестве недействительных (ничтожных) на основании ст. 168 ГК РФ, как совершенных с нарушением ст. 246 ГК РФ. Такой подход подтверждается однообразной системной судебной практикой (см., напр., Определение Верховного Суда РФ от 14.10.2019 № 305-ЭС19-17430 по делу № А41-87102/2018, Определение ВАС РФ от 29.05.2012 № ВАС-2981/12 по делу № А52-58/2011, Апелляционное определение Московского городского суда от 08.08.2017 № 33-30377/2017 и пр.).

Следовательно, сделки, направленные на отчуждение части неделимой вещи, совершенные в отсутствие соответствующего волеизъявления (согласия) всех собственников такой вещи, являются недействительными (ничтожными).

В силу п. 1 ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

Соответственно, исследуемые сделки, направленные на отчуждение частей неделимой вещи, не влекут прекращение (утрату) статуса неделимой вещи.

Правомерность такой квалификации именно применительно к сделкам с частями неделимой вещи также подтверждается правоприменительной практикой: определение ВАС РФ от 9 ноября 2011 г. № ВАС-12725/11, постановление ФАС ЗСО от 17 августа 2011 г. по делу № А46-15250/2010.

Следует отметить, что аналогичный правовой режим распространяется и на такой вид объекта гражданских прав, как «единый недвижимый комплекс» (ст. 133.1 ГК РФ). В частности, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 г., сформулирована правовая позиция, согласно которой по смыслу статей 133, 133.1 ГК РФ составная часть единого недвижимого комплекса не является самостоятельным объектом недвижимости и не может иметь самостоятельную юридическую судьбу.

Кроме того, закон также не содержит правовых положений, закрепляющих прекращение статуса неделимой вещи в качестве правовых последствий совершения сделок по отчуждению ее части в пользу третьего лица.

Пунктом 1 статьи 252 ГК РФ предусмотрено право собственников на раздел имущества, находящегося в долевой собственности, по соглашению между ними, однако при соблюдении условий, закрепленных в пункте 3 статьи 252 ГК РФ. Очевидно, диспозиция статьи 133 ГК РФ свидетельствует о невозможности раздела в натуре неделимой вещи.

Исполнение сделок, направленных на отчуждение частей неделимой вещи, не влияет на указанную выше правовую квалификацию таких сделок.

Относительно наличия (отсутствия) зарегистрированного права на часть неделимой недвижимой вещи следует иметь в виду следующее.

В силу пункта 2 статьи 8.1 ГК РФ права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом.

Зарегистрированное право может быть оспорено только в судебном порядке. Лицо, указанное в государственном реестре в качестве правообладателя, признается таковым, пока в установленном законом порядке в реестр не внесена запись об ином.

По смыслу приведенных норм права одним из принципов регистрации прав на недвижимое имущество является принцип достоверности государственного реестра, в связи с чем зарегистрированные права предполагаются достоверными, однако, могут быть оспорены в судебном порядке.

При возникновении спора суд, в том числе устанавливает действительное содержание права собственности, основания его возникновения и соответствие действительности содержащихся в реестре сведений об объекте зарегистрированного права (определение Верховного суда РФ от 23.12.2019 № 5-КГ19-171, 2-2552/2018).

Таким образом, само по себе наличие зарегистрированного права собственности на часть неделимой вещи не влечет «реанимацию» сделок, на основании которых такое право зарегистрировано. Иными словами, на юридическую квалификацию таких сделок, наличие (отсутствие) государственной регистрации права собственности, осуществленной на основании указанных сделок, не влияет. К аналогичным выводам, в частности, пришел Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 20 марта 2018 г. по делу № А46-11142/2016.

В этой связи, само по себе наличие в едином государственном реестре недвижимости сведений о зарегистрированных правах на части неделимой недвижимой за приобретателями по рассматриваемым сделкам, не препятствует констатации недействительности таких сделок судом при использовании заинтересованным лицом надлежащих способов защиты, предусмотренных положениями статьи 12 ГК РФ.

В. П. Лунегова
студент, ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Богданов

ОБЪЕКТ, СОДЕРЖАНИЕ И СУБЪЕКТЫ ФИДУЦИАРНОГО КОРПОРАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ В ПУБЛИЧНОЙ КОРПОРАЦИИ

На основе анализа российского опыта и положений, выработанных в доктрине и судебной практике США, обосновывается фидуциарный характер корпоративных отношений с участием контролирующего акционера публичной корпорации, выявляются особенности каждого из элементов этого правоотношения. Фидуциарные обязанности контролирующего акционера возникают в связи с осуществлением им контроля и устранением других акционеров от осуществления этого полномочия. Фидуциарная обязанность контролирующего акционера публичной корпорации – это обязанность действовать в интересах корпорации.

Ключевые слова: фидуциарные обязанности, контролирующий акционер, публичная корпорация.

V. P. Lunegova
Master's Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Bogdanov

THE OBJECT, CONTENT AND SUBJECTS OF FIDUCIARY CORPORATE RELATIONSHIP IN A PUBLIC CORPORATION

The author, based on an analysis of Russian experience and the provisions developed in the doctrine and judicial practice of the United States, substantiates the fiduciary nature of corporate relations with the participation of the controlling shareholder of a public corporation, revealing the features of each of the elements of this relationship. The fiduciary duty of the controlling shareholder arises in connection with the exercise of control and the removal of other shareholders from the exercise of this authority. The fiduciary duty of the controlling shareholder of a public corporation is the obligation to act in the interests of the corporation.

Keywords: fiduciary duties, controlling shareholder, public corporation.

В настоящей статье рассматривается вопрос о возможности возложения фидуциарных обязанностей на контролирующего акционера публичной корпорации применительно к правовым системам России и США.

Для целей настоящей статьи под контролирующим акционером понимается акционер, владеющий таким количеством голосующих акций, которое позволяет ему, хотя бы в некоторых случаях, в своих интересах влиять на формирование и проявление воли корпорации и дополнительно извлекать такие преимущества, как отчуждения контрольной премии, влияние на текущую деятельность общест-

ва через исполнительные органы, получение прибыли корпорации помимо дивидендов.

Полагаем, что вывод о существовании фидуциарных обязанностей у контролирующего акционера публичной корпорации может быть сделан на основе анализа корпоративного правоотношения как совокупности его основных элементов – объект, содержание, субъекты.

По мнению Г. Смита фидуциарные отношения складываются по поводу критического ресурса, то есть материального или нематериального объекта, в том числе конфиденциальной информации, который может быть использован оппортунистическим способом¹. В контексте публичной корпорации в качестве критического ресурса могут рассматриваться денежные средства, поступившие от акционера в качестве оплаты акций, имущество корпорации, конфиденциальная информация.

Правомочия в отношении объекта разделены между управляющим и бенефициаром. У лица, которому передан объект, возникает право управления, однако, правообладатель сохраняет полномочие по контролю.

Выделяются два аспекта управления. С одной стороны, лицо управляет критическим ресурсом по собственному усмотрению, что позволяет использовать объект не в интересах бенефициара и подвергать его риску причинения вреда². Но, с другой стороны, управление должно осуществляться в соответствии с инструкциями бенефициара и в его интересах³. Российские юристы также склонны считать, что управление чужим имуществом неизбежно влечет необходимость возложения обязанности на управляющего – действовать в интересах бенефициара^{4, 5}. Поскольку эта обязанность возникает в фидуциарном правоотношении в связи с оказанием доверия управляющему в вопросе управления активом, такая обязанность может называться фидуциарной.

Очевидно, что наличие широких полномочий управляющего обуславливает необходимость контроля за его действиями со стороны бенефициара. Некоторые ученые полагают, что контроль является не только правом, но и обязанностью, поскольку бенефициар, передавая управленческие полномочия над активами, должен позаботиться о снижении рисков неправомерного поведения со стороны управляющего⁶.

Представляется, что корпоративные отношения с участием контролирующего акционера являются фидуциарными в силу следующего.

При образовании корпорации участник обладает контрольными функциями и управленческой дискрецией, однако, далее он передает управленческие полномочия менеджменту, а сам осуществляет лишь контроль за его деятельностью⁷. Поскольку в корпоративных отношениях полномочие по управлению чужим имуществом передается менеджменту, то фидуциарные обязанности возлагаются на директоров.

Полномочие по контролю принадлежит акционерам. Но несмотря на то, что свой вклад в формирование имущества корпорации делает каждый акционер, не все из них имеют возможность контролировать действия менеджеров. Такое полномочие предоставлено лишь контролирующему акционеру, который может избрать членов совета директоров, исполнительных директоров и оказывать на них влияние с целью реализации своих интересов. Поскольку интересы контролирующего акционера и акционера, не обладающего корпоративным контролем, могут быть различны, то в корпорации, где нет независимого совета директоров, будут реализованы интересы контролирующего акционера, возможно, в ущерб миноритариям.

Изложенное позволяет сделать вывод, что контролирующий акционер через полномочие контроля получает возможность использовать имущество иного субъекта (корпорации) в собственных интересах, не взирая на ожидания миноритариев о получении пропорциональной выгоды. В терминологии фидуциарного правоотношения обозначим это полномочием «квазиуправления». Представляется, что баланс сторон корпоративных отношений будет соблюден, если контролирующий акционер, реализуя полномочие контроля, будет руководствоваться интересами корпорации как собственника имущества, сформированного за счет вкладов множественности лиц, а не исключительно своими целями. Следовательно, на контролирующего акционера возлагается обязанность действовать в интересах корпорации.

Применительно к американским корпорациям фидуциарная обязанность проявляется в запрете корыстного поведения (обязанность лояльности)⁸. В России под фидуциарной обязанностью понимают единую обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно⁹.

Далее перейдем к вопросу о том, кто наряду с контролирующим акционером выступает стороной фидуциарного корпоративного отношения.

Между контролирующим акционером и публичной корпорацией возникают фидуциарные отношения в силу того, что контролирующий акционер может формировать волю корпорации в вопросе распоряжения ее активами.

Намного сложнее видится вопрос о возникновении фидуциарных отношений между участниками корпорации. Такие отношения признаются американской доктриной и прецедентным правом в непубличных корпорациях¹⁰, а некоторыми учеными и в публичных компаниях¹¹.

Я. А. Смирнова указывает, что «оплатив только часть имущества общества (в размере своей доли в уставном капитале), участник получает права на управление всем или большим, чем составляет его доля, имуществом компании, в том числе и вкладами других участников»¹². В то же время, с точки зрения российского законодательства, не совсем правильно говорить о том, что вклады акционеров поступают в управление контролирующего акционера. Пунктом 1 ста-

тьи 48 Гражданского кодекса РФ провозглашен принцип отделения имущества учредителей от имущества корпорации¹³. Отсюда следует, что российские традиции корпоративного законодательства ограничивают субъектный состав фидуциарного корпоративного отношения: контролирующий акционер получает в квазиуправление активы корпорации, а не ее участников. Это означает, во-первых, что контролирующий акционер обязан действовать в интересах компании, но не каждого из ее акционеров; во-вторых, право контроля, в том числе путем подачи иска об убытках, реализует корпорация, а отдельные акционеры выполняют представительские функции (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁴).

Таким образом, фидуциарное корпоративное правоотношение, возникающее в российском публичном акционерном обществе, представляет собой отношение между контролирующим акционером и корпорацией по поводу активов корпорации, в том числе конфиденциальной информации, в котором на контролирующего акционера в силу особого полномочия контроля (квазиуправления) возлагается фидуциарная обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно, а корпорации в лице ее участников предоставлено право судебной защиты своего интереса.

Литература

1. Smith G. The Critical Resource Theory of Fiduciary Duty // *Vanderbilt Law Review*. 2002. Vol. 55. P. 1444. URL: <https://ssrn.com/abstract=339100> (дата обращения 16.05.2020).
2. Smith G. Указ. соч. P. 1149.
3. Smith G. Указ. соч. P. 1439.
4. Эртель А. Г., Колиева А. Э. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений // *Вестник Чеченского государственного университета*. 2018. № 3 (31). С. 106.
5. Луценко С.И. Фидуциарные правила игры и природа управления в компании // *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2019. Т. 10. № 2. С. 146.
6. Луценко С.И. Указ. соч. С. 152.
7. Колиева А.Э. Совершенствование корпоративного управления на основании принципов фидуциарности // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2019. Т. 5. № 1. С. 263.
8. Smith G. Указ. соч. P. 1407.
9. Богданов А. В. Фидуциарные обязанности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества // *Актуальные проблемы правоведения*. 2013. № 1 (37). С. 40
10. Бойко Т. С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: дис ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 67.
11. Anabtawi I., Stout L. Fiduciary Duties for Activist Shareholders // *Stanford Law Review*. 2008. Vol. 60. P. 54. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1089606 (дата обращения: 11.04.2020).
12. Смирнова Я.А. Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 128.
13. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 15.
14. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2015. № 8.

АЛГОРИТМ ПЕРЕДАЧИ ДЕЛА ПО ПОДСУДНОСТИ МЕЖДУ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ

Рассматриваются некоторые вопросы векторной (субъектной) подсудности. Автором предлагается осуществлять передачу дела из суда одной системы в суд другой системы для его рассмотрения по существу только при наличии согласия материального истца. При этом аргументируется мысль о том, что истец, давший указанное согласие, не лишен возможности обжаловать определение суда о передаче дела по подсудности.

Ключевые слова: векторная (субъектная) подсудность, передача дела по подсудности, материальный истец.

E. V. Lubimova
Perm State University

ALGORITHM FOR TRANSFERRING CASES BY JURISDICTION BETWEEN COURTS OF GENERAL JURISDICTION AND ARBITRATION COURTS

The article deals with some issues of vector (subject) jurisdiction. The author proposes to transfer the case from a court of one system to a court of another system for its consideration on the merits only if there is the consent of the material claimant. At the same time, it is argued that the claimant who gave this consent is not deprived of the opportunity to appeal the court's ruling on the transfer of jurisdiction.

Keyword: vector (subject) jurisdiction, transfer case to another jurisdiction, material claimant

Значительные изменения судоустройства за период с 2014 года по 2019 год оказали влияние на нормы подведомственности и подсудности. В частности, упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ поставило под сомнение существование разной подведомственности дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также создало неопределенность в отношении свойства дел (подведомственности или подсудности), подлежащих разрешению Верховным Судом РФ. Ясность в данный вопрос внесена Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, согласно которому все юридические дела, отнесенные к компетенции судебных органов, регулируются только нормами подсудности.

Указанное нововведение «смягчает» последствия, наступающие при нарушении истцом норм, определяющих компетенцию арбитражных судов и судов

общей юрисдикции: на первой стадии гражданского судопроизводства вместо отказа в принятии искового заявления применяется механизм возврата искового заявления, поэтому сохраняется возможность повторного обращения в суд с тождественным требованием. Очевидно, что и ранее право на судебную защиту сохранялось, поэтому при применении последствий отказа в принятии искового заявления уточнялось, что запрет на повторное обращение в суд распространяется только на ту систему судов, которой вынесено данное определение (ограничительное толкование). На второй и третьей стадии гражданского судопроизводства (подготовка дела и судебное разбирательство) обнаруженная ошибка подсудности, совершенная при возбуждении производства по делу, подлежит исправлению посредством передачи дела в компетентный суд (ранее производство по делу прекращалось по статье 220 ГПК РФ² (в редакции, действовавшей до 1 октября 2019 года) в связи с тем, что заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке, и по ст. 150 АПК РФ³ (в редакции, действовавшей до 1 октября 2019 года), согласно которой дело не подлежит рассмотрению в арбитражном суде).

Подобное улучшение положения истца на стадиях подготовки дела и судебного разбирательства влияет в первую очередь на порядок исчисления срока исковой давности. Кроме того можно прогнозировать положительный эффект рассматриваемого нововведения с точки зрения процессуальной экономии: в отношении дел, которые были приняты с нарушением подсудности и впоследствии переданы в компетентный суд, не требуется повторное возбуждение производства по делу (следовательно, нет потребности в возврате государственной пошлины и оплате ее повторно по иным реквизитам; отсутствует необходимость в сборе и рассылке доказательств, приложенных к исковому заявлению и прочее).

Механизм передачи дела по подсудности заслуживает детального анализа с позиции принципов диспозитивности, законности, и доступности правосудия.

В контексте принципа законности передача дела по подсудности является следствием опровержения презумпции о наличии компетенции у того или иного суда относительно векторной (субъектной), предметной (родовой) и (или) территориальной подсудности. Под векторной (субъектной) подсудностью автор предлагает понимать относимость юридического дела к компетенции судов общей юрисдикции или к компетенции арбитражных судов. Векторная (субъектная) подсудность образует самостоятельный вид подсудности (наравне с предметной (родовой) и территориальной подсудностью).

При нарушении векторной (субъектной) подсудности помимо исправления указанной ошибки требуется определить два других вида подсудности. Суд, возбуждавший производство по делу, не всегда сам решает эту задачу, в связи с этим

существует два алгоритма: 1) передача дела из арбитражного суда в суд общей юрисдикции, осуществляемая через областные и приравненные к ним суды; 2) передача из суда общей юрисдикции напрямую в арбитражный суд.

Отличительная черта первого алгоритма заключается в следующем: арбитражный суд мотивирует только нарушение векторной (субъектной) подсудности; после поступления дела в областной и приравненный суд определяется вид производства и применимое процессуальное право (нормы ГПК РФ либо нормы КАС РФ), в зависимости от этого подбираются правила родовой (предметной) и территориальной подсудности. При этом во втором алгоритме суд общей юрисдикции помимо обоснования векторной (предметной) подсудности обязан в соответствии с АПК РФ определить предметную (родовую) и территориальную подсудность. Вариативность толкования норм территориальной подсудности, а также специфика компетенции Суда по интеллектуальным правам может быть не очевидной изначально и потребует определения локального предмета доказывания, а также применения правовых позиций, сформулированных соответствующей коллегией Верховного Суда РФ или Высшего Арбитражного Суда РФ.

В отношении обоих алгоритмов справедливо утверждение о том, что для обеспечения доступности правосудия важно предвидеть предъявление процессуальными кодексами разных требований к исковому заявлению, поэтому необходимо либо унифицировать требования к иску (иначе при передаче дела может последовать автоматическое оставление иска без рассмотрения, например, по мотиву несоблюдения претензионного порядка), либо предусмотреть дополнительное время для представления истцом документов и (или) сведений, согласно требованиям соответствующего процессуального кодекса.

Несмотря на тенденцию унификации гражданского и арбитражного процесса, все же сохраняются отличия, которые участники спора должны брать во внимание при реализации процессуальных прав в гражданском и административном судопроизводстве. К таким отличиям относится профессиональное представительство, повышенный размер государственной пошлины при обращении в арбитражный суд, общий срок рассмотрения дела судом первой инстанции, система электронного документооборота без ЭЦП и прочее.

Данные аспекты напрямую влияют на ценообразование юридических услуг по представлению интересов в суде, а при ведении дела стороной самостоятельно учитываются при расчете временных и финансовых затрат.

По причине существующих отличий между гражданским и арбитражным процессом в совокупности с территориальным расположением судов в разных, в том числе отдаленных друг от друга населенных пунктах, представляется целесообразным поставить передачу дела в другой суд под условие получения согласия материального истца. При реализации истцом указанного процессуального права (одобрить передачу дела по подсудности или возразить против такого

процессуального действия) создается возможность во-первых, оценить имеющиеся ресурсы, необходимые для проезда истца к месту рассмотрения спора, поиска или замены представителя, во-вторых, проверить срок исковой давности и совершить иные необходимые действия. Иными словами согласие истца подтверждало бы его готовность к несению сопутствующих судебных расходов, вызванных изменением подсудности спора. Такое регулирование соответствует принципу диспозитивности гражданского и арбитражного процесса, то есть позволяет влиять на ход рассмотрения дела.

Между тем согласие истца на передачу дела по подсудности не может рассматриваться как признание обстоятельств, освобождающих от доказывания, и тем более не может быть основанием для нарушения норм процессуального права. В этой связи за истцом следует сохранить право апелляционного обжалования определения о передаче дела по подсудности. То есть истец, выразивший согласие на передачу дела, может заявить (как в суде первой инстанции, так и при обжаловании) о нарушении закона при совершении рассматриваемого процессуального действия.

Векторная (субъектная) подсудность определена законодателем императивно, поэтому ее соблюдение является обязанностью суда. Следовательно, если истец не дает согласие на передачу дела (заявляя возражения правового и (или) организационного характера), то суд все же может прийти к выводу об отсутствии компетенции на рассмотрение спора. В такой ситуации предлагается исковое заявление оставлять без рассмотрения. Указанная форма окончания производства по делу сохраняет истцу право на судебную защиту в будущем, когда будет доступным несение объективно возникающих затрат, и отвечает интересам законности.

Представляется допустимым, что подсудность может быть предметом обсуждения как в предварительном или основном судебном заседании, так и до проведения заседания при совершении подготовительных действий. В последнем случае суд может предложить сторонам выразить мнение по вопросу подсудности спора той или иной системе судов путем представления в определенный срок письменных правовых позиций и сопутствующих им доказательств.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 28 нояб. 2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) / Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018, № 49, ч. 1, ст. 7523.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020) / Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 46, ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) / Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 30, ст. 3012.

М. Ю. Назаров

студент, ПГНИУ

Научный руководитель: проф., д.ю.н. В. Г. Голубцов

ПОДЗАКОНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА

Рассматривается проблема существования подзаконного регулирования деятельности по осуществлению мультимодальной перевозки груза. Данное правовое регулирование осуществляется без наличия законодательной основы, вследствие чего регулирование носит точечный разрозненный характер. В отдельных аспектах, таких как определение понятия мультимодальной перевозка груза не сложилось единой позиции даже в правовых актах одного уровня.

Ключевые слова: мультимодальная перевозка груза, государственный стандарт, подзаконное регулирование.

M. Yu. Nazarov

Master's student, Perm State University

Supervisor: V. G. Golubtsov

BY-LAW REGULATION OF MULTIMODAL CARGO TRANSPORTATION

This article deals with the problem of the existence of sub-legal regulation of multimodal cargo transportation. This right to regulate is exercised without a legal basis, which means that regulation is spotty and fragmented. IN^o some aspects, such as the definition of multimodal cargo transportation, there is no unified position even in legal acts of the same level.

Keywords: multimodal shipping, national standard, by-law regulation.

Правовое регулирование любой из разновидностей предпринимательской деятельности, прежде всего должно иметь законодательную основу, отдельные аспекты которого более подробно раскрываются в специализированных подзаконных нормативно-правовых актах. Д. Г. Морозов справедливо отмечает, что в законах осуществляется первичное правовое регулирование, а в подзаконных нормативно-правовых актах – вторичное регулирование общественных отношений¹. Однако, в российской правовой действительности, в отдельных случаях, имеет место иной подход.

Не имея законодательной основы, издаются многочисленные бессистемные подзаконные нормативно-правовые акты, в частности, в одной из сфер транспортной деятельности – мультимодальной перевозки груза. Следует обратить внимание, что подзаконное регулирование в данной сфере заключается не в установлении общих положений и принципов деятельности, а в точечном регули-

ровании, например, в установлении определённых обязанностей участников деятельности по осуществлению мультимодальных перевозок груза или задач для органов государственной власти:

– до 2023 года необходимо обеспечить внедрение цифровых технологий для развития мультимодальных перевозок в акватории Северного морского пути и обеспечить предоставления транспортно-логистических услуг на основе цифровой платформы безбумажного электронного оформления мультимодальных перевозок пассажиров и грузов⁴;

– при переходе к инновационному варианту развития транспортной системы с применением информационно-коммуникационных технологий будет обеспечено сокращение издержек в логистических цепях поставок, в том числе при мультимодальных перевозках⁵;

– в сведения об оказанных нерезидентам услугах грузовых и пассажирских перевозок отражаются следующие виды операций, выполненных или организованных респондентом: грузовые перевозки товаров, вывозимых из Российской Федерации морским, речным, воздушным, автомобильным транспортом, мультимодальные перевозки⁶;

– специалисту по внешнеэкономической деятельности необходимо знание правил мультимодальной и международной перевозки товаров на различных видах транспорта⁷.

Обратимся к последнему примеру. Если на субъекта налагается обязанность следовать каким-либо правилам, то напрашивается вывод, что эти правила, естественно, должны быть в наличии на момент принятия данного акта. Однако, следует заметить, что никаких «правил мультимодальной и международной перевозки товаров» в настоящее время в российском праве не существует. Следовательно, данный специалист, для осуществления своей профессиональной деятельности должен самостоятельно разработать данные правила. Перспектива потенциального существования различных, в том числе, противоречивых правил перевозок груза, представляется опасной для экономики.

Данный точечный подход к регулированию важной отрасли экономики, к которой относится транспортная перевозочная деятельности, представляется недопустимым. Необходимо не только определять отдельные узкие аспекты, а осуществлять комплексное всестороннее правовое регулирование.

Профессор В. А. Савицкий отмечает, что при регулировании конкретных общественных отношений, нужно крайне осторожно относиться к созданию новых правовых институтов и по возможности использовать институты, уже зарекомендовавшие себя в правоприменительной практике².

Следовательно, закономерно приходим к выводу о том, что прежде чем возлагать на субъектов правоотношений обязанности или ставить перед органами государственной власти задачи по «цифровизации» мультимодальных пере-

возок груза, необходимо осуществить правовое регулирование данной сферы деятельности и дать ответ на вопрос, что есть «мультимодальная перевозка груза».

В настоящее время понятие мультимодальной перевозки груза приводится только на уровне положений нескольких государственных стандартов. Так же необходимо обратить внимание, что в различных документах даются не только не тождественные определения данного вида перевозки груза, но и отчасти противоречивые.

Приведём три определения понятия мультимодальной перевозки груза, представленные в российских государственных стандартах. Под мультимодальной перевозкой груза понимается:

– перевозка грузов двумя и более видами транспорта на основании договора мультимодальной перевозки из места в одной стране, где грузы поступают в ведение оператора мультимодальной перевозки, до обусловленного места доставки в другой стране⁸;

– перевозка, при которой один экспедитор организует и осуществляет доставку и перевозку груза от места отправления до места назначения транспортом различных видов, при этом он принимает ответственность за все расстояние перевозки и оформляет единый транспортный документ на перевозку груза⁹;

– перевозка груза не менее чем двумя различными видами транспорта¹⁰.

Из анализа представленных определений можно сделать несколько необходимых выводов. Бесспорным является лишь определение непосредственного содержания необходимых транспортных услуг, а именно при мультимодальной перевозке груза обязательно должны применяться как минимум два различных вида транспорта. Необходимо отметить, что третье определение является крайне спорным, так как в представленном виде его невозможно отличить от понятия смешанных перевозок, в значении которым оперирует Гражданский кодекс Российской Федерации³.

Касательно остальных признаков, выделяемых в определениях, следует отметить, что государственные стандарты выражают совершенно различные позиции относительно сущности данного вида грузовых перевозок. Рассмотрим данные позиции более подробно.

Главным отличием является определение субъектного состава данного обязательства. Государственные стандарты предлагают считать исполнителем мультимодальной перевозки груза транспортного экспедитора или оператора мультимодальной перевозки груза.

Если позиция, согласно которой исполнителем является транспортный экспедитор последовательна, так как опирается на существующее законодательство и правовой статус данного субъекта является известным в российском праве, то позиция выделения нового субъекта – оператора мультимодальной перевозки груза, остаётся дискуссионной.

Понятие мультимодальной перевозки не является законодательно определённой в российской праве, поэтому выделение нового субъекта поднимает дополнительные вопросы, связанные с его правовым положением. Например, соотношение данного субъекта с существующими субъектами в транспортной деятельности, в частности с транспортным экспедитором. Рассмотренные государственные стандарты не раскрывают содержание понятия «оператор мультимодальной перевозки груза». Следовательно, имеет место ошибка в определении дефиниции термина, поскольку некорректно определять неизвестное через другое неизвестное.

Исходя из сравнения понятий, представленных в государственных стандартах, в качестве оператора мультимодальной перевозки необходимо рассматривать, в том числе, транспортного экспедитора, в случае если им осуществляется сопровождение мультимодальной перевозки груза.

Частичным решением существующих противоречий в правовом регулировании станет принятие законопроекта «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках»¹¹. Однако следует обратить внимание, что существующий законопроект в сфере смешанных перевозок не раскрывает вопрос мультимодальной перевозки груза и правового статуса оператора мультимодальной перевозки груза.

В правоприменительной практике неоднозначно соотношение понятий мультимодальной, смешанной и комбинированной перевозок груза. Например, мультимодальная перевозка рассматривается как синоним смешанной¹² или комбинированной перевозки груза¹³.

Законодателю не следует игнорировать данные правовые явления, учитывая, что существующие подзаконные нормативно-правовые акты уже активно оперируют новой терминологией. Современный запрос правоприменительной практики связан не только с решением вопроса о принятии федерального закона о прямом смешанном сообщении, как того требуют положения статьи 788 Гражданского кодекса Российской Федерации, но и с необходимостью разграничить прямое смешанное сообщение, комбинированные перевозки и мультимодальные перевозки.

В данный законопроект целесообразно включить отдельные положения государственных стандартов, касательно существующих определений мультимодальной перевозки груза; определить оператора мультимодальной перевозки груза в качестве специального субъекта, ответственного за осуществление мультимодальной перевозки груза.

В итоге приходим к выводу о том, что точечное регулирование одной из важных для современной российской экономики сфер предпринимательской деятельности, порождает правовую неопределённость, связанную с неоднозначностью применяемых в подзаконных нормативно-правовых актах понятиях.

Решение данной проблемы состоит в принятии законодательной основы, в соответствии с которой будет осуществляться деятельность по осуществлению мультимодальных перевозок груза.

Литература

1. Морозов Д. Г. Закон и подзаконный нормативно-правовой акт: проблемы соотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 4. С. 29–35.
2. Сивицкий В. А. Принцип системности законодательства и его влияние на использование в федеральных законах принципов регулирования отношений в конкретных сферах // Юридическая техника. 2020. №14. 305–307.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996, № 5, ст. 410.
4. Об утверждении Плана развития инфраструктуры Северного морского пути на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 21.12.2019 № 3120-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 06.01.2020, № 1 (часть II), ст. 112.
5. Ведомственная целевая программа «Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации» (утв. Минтранс России 05.09.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).
6. Об утверждении форм федерального статистического наблюдения и порядка составления и предоставления респондентами первичных статистических данных по этим формам в Центральный банк Российской Федерации для составления платёжного баланса Российской Федерации, международной инвестиционной позиции Российской Федерации, статистики внешней торговли Российской Федерации услугами, внешнего долга Российской Федерации, прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж: указание Банка России от 25.11.2019 № 5328-У // Вестник Банка России. 2020. № 6–7.
7. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по внешнеэкономической деятельности: приказ Минтруда России от 17 июня 2019 г. № 409н // <http://www.pravo.gov.ru> [официальный интернет-портал правовой информации] (дата обращения: 12.07.2019).
8. ГОСТ Р 57118-2016 Перевозки интермодальные. Термины и определения (утв. и введён в действие Приказом Ростехрегулирования от 06.10.2016 г. № 1317-ст) // М., Стандартинформ, 2016.
9. ГОСТ Р 52297-2004. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги транспортно-экспедиторские. Термины и определения (утв. и введён в действие приказом Ростехрегулирования от 30.12.2004 г. № 147-ст) // М., ИПК Издательство стандартов, 2005.
10. ГОСТ Р ИСО 17261-2014. Интеллектуальные транспортные системы. Автоматическая идентификация транспортных средств и оборудования. Архитектура и терминология в секторе интермодальных грузовых перевозок (утв. и введён в действие Приказом Ростехрегулирования от 20 ноября 2014 г. № 1705-ст) // М.: Стандартинформ, 2015.
11. Проект Федерального закона «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» (подготовлен Минтранс России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.02.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2019 по делу № А40-136405/19 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.04.2020).
13. Решение Арбитражного суда города Москвы от 03.10.2019 по делу № А40-166471/19 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.04.2020).

Е. А. Носкова
студент, ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Сятчихин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Анализируются преимущества и недостатки процедуры медиации в арбитражном процессе. Рассматриваются перспективы нововведений и корректировок в нормативные правовые акты, регулирующие процедуру медиации. Предлагается осуществление некоторых действий в целях популяризации применения процедуры медиации в рамках арбитражного процесса.

Ключевые слова: медиация, альтернативные способы разрешения споров, медиатор, примирительные процедуры, арбитражный процесс

E. A. Noskova
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

ACTUAL PROBLEMS OF PROCEDURE OF MEDIATION IN ARBITRATION PROCESS

The article analyzes the advantages and disadvantages of the mediation procedure in the arbitration process. Innovations and adjustments to the regulatory legal acts regulating the mediation procedure are considered. Some actions are proposed to popularize the application of the mediation procedure as part of the arbitration process

Keywords: mediation, alternative ways of settlement of disputes, mediator, procedure of mediation, arbitration process.

В современном мире достаточно много способов разрешения конфликтов в досудебном, судебном и во внесудебном порядке. Конституция Российской Федерации позволяет «защищать свои права и свободы любыми способами, не запрещенными законом»¹. Каждое лицо самостоятельно определяет для себя наиболее эффективный, выгодный и надежный способ защиты нарушенных прав. Кроме того, многим важен и временной фактор, в течение которого конфликт будет разрешен.

В настоящее время большинство судов не являются высокопродуктивным инструментом в разрешении экономических споров, ввиду большой загруженности судей арбитражных судов и сложности рассматриваемых дел, в результате чего снижается качество правосудия.

В сложившихся обстоятельствах многие субъекты экономических отношений предпочитают обращаться к неюрисдикционным способам защиты прав и законных интересов, в частности, к медиации. Основным законом, регулирующим деятельность медиаторов в РФ, является Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»².

Медиация – деятельность по оказанию содействия спорящим сторонам в разрешении споров, осуществляемой рекомендованным судом или избранным сторонами лицом – посредником (медиатором)³.

Практический смысл процедуры медиации сводится к достижению договоренности между двумя сторонами конфликта, которая в дальнейшем будет иметь письменное закрепление в виде медиативного соглашения. Если рассматривать медиацию, как социальный институт, то ее задача состоит не только в разрешении конфликта, но и в полном его устранении⁵.

При разрешении экономического спора в судебном порядке в итоге одна сторона является «победившей», а другая – «проигравшей», в результате чего конфликт продолжит существовать, чего не скажешь о процедуре медиации, в результате которой стороны приходят к компромиссу, а конфликт считается устранимым, что является благоприятным исходом для обеих сторон.

Медиатор является посредником между спорящими сторонами, организатором, психологом, который посредством встреч и диалогов выполняет свои функции. Прежде всего, медиатор выполняет организационную и фасилитационную функции.

Сегодня, во время пандемии, решение споров посредством процедуры медиации видится самым логичными и удобным способом разрешения конфликтов между хозяйствующими субъектами. У процедуры медиации есть множество достоинств:

Возможность проведения процедуры медиации посредством ВКС и иными техническими способами, удобными для сторон. Отсутствует необходимость соблюдать процессуальную форму, фактически присутствовать в месте проведения процедуры.

Договоренности, достигнутые в процессе медиации, устраивают обе стороны конфликта, что способствует их быстрому и полному выполнению и сохранению деловых связей.

Финансовая доступность. Использование процедуры медиации не влечет необходимости несения некоторых судебных расходов.

Конфиденциальность. Процедура медиации не требует гласности, что означает сохранение содержания переговоров недоступным для широкого круга лиц.

Самостоятельный выбор медиатора. Стороны вправе самостоятельно выбрать медиатора или организацию, предоставляющую указанные услуги, что по-

ложительным образом влияет на качество проведения процедуры, поскольку уровень доверия в таком случае будет высоким.

Временное преимущество. Судопроизводство осуществляется в рамках процессуальной формы, что предусматривает соблюдение определенных сроков: рассмотрения дела, вынесения решения, вступления решения в законную силу и др. Что касается процедуры медиации, то ее временные рамки полностью зависят от сторон.

Возможность прибегнуть к процедуре медиации на любой стадии судебного разбирательства до вынесения решения арбитражным судом. Для использования процедуры медиации в арбитражном процессе необходимо обратиться к судье с ходатайством об объявлении перерыва или об отложении судебного разбирательства в связи с проведением процедуры медиации.

Но несмотря на вышеупомянутые преимущества, в России процедура медиации используется не так часто, как она того заслуживает. Этому есть несколько причин:

Низкая правовая культура населения⁷. Это связано с низким уровнем просветительской работы судебной системы и СМИ о преимуществах и результатах, достигнутых с использованием процедуры медиации в экономических спорах.

Отсутствуют процессуальные механизмы эффективного взаимодействия медиативных схем с судопроизводством (медиативное соглашение является обычной сделкой, которая требует облечения в соответствующую процессуальную форму)⁶.

Недостаточно продуманные и сформулированные законодателем правила проведения процедуры медиации, неопределенность правового статуса медиатора.

Для того чтобы в настоящее время актуализировать процедуру медиации при разрешении экономических споров, арбитражным судам необходимо предпринимать активные действия к применению спорящими сторонами процедуры медиации, а не только разъяснять им данное право. Одним из наиболее эффективных способов развития института медиации в арбитражном судопроизводстве является предоставление суду права на направление участников судебного процесса на информационную встречу с медиатором, в процессе которой сторонам разъясняются преимущества медиации (в сравнении с судебным разрешением конфликта) и возможных вариантах решения возникшей проблемы⁴. Кроме того, действующие медиаторы отмечают необходимость более детального регламентирования порядка проведения и организации процедуры медиации, это говорит о том, что существующий закон имеет множество пробелов.

Для того, чтобы решить проблему неинформированности населения, необходимо задействовать те информационные площадки, которые являются наиболее актуальными в данное время. К таким, например, относятся Instagram, где в

настоящее время ведут свои тематические блоги и консультируют многие юристы, Twitter, где делятся мыслями различные политики, юристы, чиновники и бизнесмены.

В условиях пандемии, начавшегося экономического кризиса, вполне могло бы получить развитие дистанционное проведение процедуры медиации в целях скорейшего урегулирования экономических споров, сохранения количества хозяйствующих субъектов, рабочих мест, общества и государственной целостности.

Проанализировав сказанное, следует сделать вывод, что процедура медиации в арбитражном процессе наиболее перспективна в сложившихся обстоятельствах, поскольку позволяет хозяйствующим субъектам не только в кратчайшие сроки разрешить спор, соблюдая баланс интересов, но и поддерживать стабильность экономического оборота.

Литература

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. ст. 4398.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. ст. 4162.
3. Арбитражный процесс: учебник / под ред. проф. В.В. Яркова. М.: 2017. С. 188.
4. Белецкая А. А., Воробьева К. С. Медиация в Арбитражном процессе Российской Федерации: основные проблемы и перспективы развития // Актуальные вопросы права, экономики и управления, 2017. С. 163–165.
5. Голубцов В. Г. Примирительные процедуры в сфере экономического правосудия: тенденции и перспективы // Закон, 2013. № 8. С. 93–99.
6. Голубцов В. Г., Сятчихин А. В. Медиативное соглашение: правовая природа, форма, вопросы обеспечения исполнения // Актуальные проблемы гражданского права: сборник научных трудов. Минск, 2014. № 1(4). С. 75–86.
7. Федоренко Н. В., Чайкин Г. Д. К вопросу о применении процедуры медиации в арбитражном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 6 (109). С. 91–93.

Д. В. Ожегова
студент, НИУ ВШЭ-Пермь
Научный руководитель: Ж. В. Эстерлейн

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

На основе научных работ формулируется собственное понятие «электронного правосудия», выстраивается система принципов электронного правосудия. Анализируются некоторые проблемы применения и перспективы развития электронного правосудия в Российской Федерации. Также предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: электронное правосудие, принципы электронного правосудия, законодательство об электронном правосудии.

D. V. Ozhegova
Student, Higher School of Economics – Perm
Supervisor: Zh. V. Esterlein

THE LEGAL MECHANISM AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT ELECTRONIC JUSTICE IN THE CIVIL PROCESS

Our own concept of "e-justice" is formed on the basis of scientific works, and a system of principles of e-justice is being built. Some problems of application and prospects of development of e-justice in the Russian Federation are analyzed. Ways to solve the identified problems are also suggested.

Keywords: e-justice, principles of e-justice, legislation on e-justice.

Всё большее значение в жизни человека придаётся информационным технологиям, кардинально изменившим процессы работы с информацией за последние десятилетия. Результатом «мультимедийной революции» стало внедрение информационных технологий в большинство сфер жизни, включая систему судопроизводства.

Понятие «электронное правосудие» появилось в российском законодательстве значительно недавно. Но несмотря на то, что этот термин уже используется в правовых актах правоведами до сих пор не сформировано понимание «электронного правосудия», не обозначены отличительные признаки, что необходимо для правового регулирования использования информационных технологий в цивилистическом процессе, определения и решения проблем применения информационных технологий в судопроизводстве, выявления путей совершенствования правового механизма электронного правосудия.

Рассмотрев работы таких теоретиков, как А. В. Аносов, С. В. Романенкова, Н. С. Фидевич, В. А. Пономаренко и других, становится очевидной необходимость определения «электронного правосудия» в широком и узком смыслах. Для определения в широком смысле целесообразно основываться на формулировке С.В. Васильковой: это регулируемая гражданско-процессуальным законодательством деятельность суда по разрешению судебных споров, которая осуществляется с использованием информационных технологий с целью оптимизации существующего процесса отправления правосудия¹. В узком смысле под «электронным правосудием» следует понимать комплекс различных автоматизированных информационных систем, позволяющих осуществлять подачу и представление судебных документов в электронном виде, вести дело в электронном формате, отправлять дополнительные уведомления посредством SMS-сообщений или электронной почты и т. д. Данные определения отражают наиболее точный смысл «электронного правосудия», который понятен любым гражданам, а также формулировка позволяет определению оставаться актуальным и на любом этапе развития электронного правосудия.

Нами была разработана собственная система принципов электронного правосудия с классификацией руководящих начал на конституционные (например, принципы равенства, законности...), общие принципы правосудия (принцип состязательности, обеспечения права граждан на судебную защиту и другие, закреплённые в ГПК РФ), специальные принципы электронного правосудия (дистанционность, доступность информации, информационная открытость, принцип равного доступа к электронному правосудию). Именно в такой совокупности принципы отражают правовую природу и социальное назначение электронного правосудия.

С появлением электронного правосудия, у граждан появилась возможность подавать документы в суд в электронном виде через личный кабинет, доступ к которому лицо получает после идентификации и аутентификации с использованием учетной записи физического лица в федеральной государственной информационной системе портала госуслуг. Как отмечает Александр Гусев, генеральный директор Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации: «за время функционирования электронных сервисов в рамках системы ГАС "Правосудие" создано свыше 2 миллионов 270 тысяч личных кабинетов участников судопроизводства в федеральных судах»². Это показатель того, что общество готово к переменам, граждане самостоятельно (без принуждения со стороны власти) используют технологии электронного правосудия, чем упрощают деятельность свою и работников суда.

Еще одним нововведением стало проведение судебных заседаний по видеоконференцсвязи. По данным Судебного Департамента при Верховном суде РФ, за 2019 году судами общей юрисдикции было рассмотрено 23778 граждан-

ских дела с использованием системы видеоконференцсвязи и 775508 с использованием аудиозаписи³. Согласно отчету, в Пермском краевом суде в 2017 году не было гражданских дел, рассмотренных с использованием ВКС, в 2018 было только 1 гражданское дело, в 2019 такой способ рассмотрения дела тоже не применялся. При этом в 2017 было проведено 14 заседаний по гражданским делам с использованием аудиозаписи, в 2018 году только 6 заседаний, а в 2019 тоже 16⁴. Статистика показывает, что применение видеоконференцсвязи очень редко используется судьями Пермского краевого суда.

У судов появилась возможность рассылки дополнительных уведомлений через SMS-сообщения или по электронной почте, что способствует оперативному оповещению участников процесса. Анализ судебной практики показывает, что некоторые суды считают такой способ уведомления ненадлежащим, поскольку не обладает «признаками достоверности вручения из-за отсутствия соответствующего правового регулирования, а также отсутствия достоверных данных о принадлежности сотовых телефонов адресату, о фактическом его использовании именно адресатом, и о прочтении электронной почты именно адресатом – физическим лицом»⁵.

Однако можно выявить существенные недостатки в процессе информатизации судебной системы.

Одной из значимых проблем использования электронного правосудия является нарушение принципа доступности, поскольку не у каждого участника судопроизводства есть возможность использовать технику для реализации каких-то действий по процессу⁶. Более того, технические сбои в работе интернет-порталов, переадресация... всё это может привести к временному ограничению права лиц на судебную защиту. Мы считаем, что следует законодательно урегулировать ситуации «временного сбоя» электронного судопроизводства, иначе дополнительные споры граждан по вопросу несвоевременного исполнения гражданами своих процессуальных прав и обязанностей приведет к еще большей судебной нагрузке.

Не менее важным представляется вопрос о защите персональных данных субъектов электронного правосудия. На данном этапе развития отсутствует эффективная и устойчивая система идентификации пользователей информационных систем, что служит препятствием для эффективного применения электронного судопроизводства, поскольку возникают проблемы в вопросе безопасности. Технологии не позволяют обеспечить должный уровень защищенности систем, в то время как в базе может содержать информация, которая должна быть доступна только определенному кругу лиц⁶. Следовательно, IT-специалистами должны быть разработаны программы, защищающие базы данных от хакерских атак, предоставляющие доступ к информации только уполномоченным лицам. Также законодательно следует закрепить ответственность именно за распространение

идентифицирующих данных участников электронного процесса, поскольку законы содержат лишь общие нормы (КоАП РФ, УПК РФ).

Стоит отметить, что не уделяется должное внимание трудозатратам работников судов «по переводу судебных актов и иных документов в электронный вид»⁷. Для решения этой проблемы необходимо ввести норму, регулиующую порядок подачи документов в суд в уже отсканированном виде.

Также на сегодняшний день на сайтах судов публикуются лишь судебные акты (не все дело в полном объеме), что затрудняет процесс восприятия и анализа спора⁷. Для решения аналогичной проблемы в Бельгии уже на протяжении 15 лет используется проект *Phenix*, позволяющий передавать документы онлайн и взаимодействовать участникам процесса онлайн⁸. Проект уже достаточно проработан и показывает эффективность, поэтому может быть взят за основу для разработки подобного сервиса в нашем государстве.

На сегодняшний день не решена проблема дублирования подачи исковых заявлений в электронном виде еще и их представлением непосредственно в суд, что приводит к дополнительным затратам времени. И. Ю. Носковым предлагается новаторская идея – создать специальную систему, которая бы «позволила отслеживать поступающие исковые заявления на предмет их дублирования»⁷.

Определенные трудности вызывает процесс повышения квалификации, перехода на электронное судопроизводство государственными служащими, сотрудниками судов. Как отмечает К. Л. требуется значительно больше по количеству и разнообразию техники, также в силу возраста некоторым профессионалам трудно освоить информационные технологии⁶. При этом К. В. Рыбкиной высказывается идея о том, что «совершенствование знаний сотрудников суда об электронном производстве возможно только при наличии мотивации при неполной загруженности сотрудника, наличии электронной библиотеки, координации развития сотрудников»⁹. Более того, на наш взгляд, внедрение электронного судопроизводства подразумевает привлечение в штат сотрудников каждого суда IT-специалистов со знаниями гражданского процессуального законодательства. Таких работников не так много на сегодняшний день, что существенно усложняет задачу.

Таким образом, несмотря на то, что электронное правосудия активно реализуется российскими судами, существует ряд проблем, разрешение которых необходимо для развития судебной системы. Анализ проблем показывает, что в первую очередь требуется реформирование законодательства в вопросе применения электронного судопроизводства: необходимо сформулировать положения, которые бы регулировали реализацию принципов доступности, равенства, открытости электронного цивилистического процесса, устанавливали бы ответственность за доступность/разглашение личных данных участников делопроизводства именно при электронном правосудии. Также необходимо обеспечить воз-

возможность сотрудникам судебной системы получить знания по использованию технологий в их профессиональной деятельности. При этом должна быть разработана Инструкция, на основании которой работники судов будут вести электронное судопроизводство, поскольку это требует от них повышенной ответственности. И еще одним решением, затрагивающим уже деятельность IT-специалистов, является разработка профессионалами новых программ, систем, которые бы позволили обезопасить процесс использования электронного производства, сделать его более быстрым и эффективным.

Литература

1. Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. С.Пб., 2018. 251 с.
2. Колмагорова М. И. Граждане стали чаще обращаться в суд через интернет. URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777853209/> (дата обращения: 26.04.2020).
3. Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 27.04.2020).
4. Пермский краевой суд. Отчеты о работе суда по рассмотрению гражданских, административных дел. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=138 (дата обращения 26.04.2020).
5. Письмо Красноярского краевого суда от 31.05.2010 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Брановицкий К. Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство. URL: <https://ria.ru/20160304/1384350406.html#ixzz41w52Vl38> (дата обращения: 11.03.2020).
7. Носков И. Ю. Внедрение электронного правосудия как важнейшее направление совершенствования судебной системы Российской Федерации // Современное право. 2011. № 10. С. 122.
8. Dumortier J., Lawfort H. G. Preliminary Study on Mutual Recognition of E-signatures for E-government Applications // National Profile Belgium. 2007.
9. Рыбкина К.В. Электронное правосудие как новая система в государственном управлении // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 1–7.

Е. Г. Сазонова
студент, ПГНИУ
Научный руководитель: Т. В. Шершень

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ НОМИНАЛЬНОГО СЧЕТА

В статье отмечается, что единственной особенностью правового регулирования ответственности сторон по договору номинального счета является увеличение числа оснований привлечения банка и клиента к ответственности. Автор статьи рассматривает случаи привлечения сторон по договору номинального счета к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение лежащих на них обязанностей относительно деления их по применяемым в результате к сторонам мерам ответственности. Анализируя действующее законодательство, судебную практику и правовую доктрину, делается вывод, что именно ответственность банка как сильной стороны договора имеет первоочередное значение в отношениях между банком и клиентом.

Ключевые слова: договорная ответственность, договор номинального счета, возмещение убытков, взыскание неустойки, уплата процентов за пользование чужими денежными средствами.

E. G. Sazonova,
Master's student, Perm State University
Supervisor: T. V. Shershen

RESPONSIBILITY OF THE PARTIES UNDER THE CONTRACT OF THE NOMINAL ACCOUNT

The article notes that the only feature of the legal regulation of the liability of the parties under the nominal account agreement is an increase in the number of grounds for holding the bank and the client liable. The author of the article considers cases of bringing the parties under the nominal account agreement to liability for failure to perform or improper performance of their duties regarding dividing them by the measures of responsibility applied to the parties. Analyzing the current legislation, judicial practice and legal doctrine, it is concluded that it is the responsibility of the bank as the strength of the contract that is of primary importance in the relationship between the bank and the client.

Keywords: contractual liability, nominal account agreement, damages, recovery of forfeit, payment of interest on borrowed money.

Ответственность сторон по договору номинального счета не имеет специального регулирования, полностью подчиняется общим положениям о договоре банковского счета, однако ее особенностью является то, что перечень оснований привлечения сторон к ответственности расширен, что связано с возложением на сторон по договору номинального счета дополнительных обязанностей.

Интересно при этом заметить, что, несмотря на то, что мы говорим об ответственности обеих сторон по договору банковского счета, ни закон, ни судебная практика, ни даже правовая доктрина по сути не рассматривают ответственность владельца счета как одной из сторон данного договора. Указанное обстоятельство связано с вопросом о наличии обязанностей, которые возлагаются на владельца счета, и их количестве. Основное внимание в законодательстве, правоприменении и правовой литературе уделено ответственности банка как сильной стороны договора, занимающейся предпринимательской деятельностью. В частности, помимо общих положений об ответственности за нарушение обязательств (гл. 25 ГК РФ¹), главы 45 и 46 ГК РФ² содержат специальные нормы об ответственности банка за ненадлежащее исполнение условий договора банковского счета.

Все меры ответственности по договору банковского счета (в том числе по договору номинального счета), которые могут претерпеть клиент и банк в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения лежащих на них обязанностей, могут быть представлены в трех вариациях: 1) возмещение убытков, 2) взыскание неустойки и 3) уплата процентов за пользование чужими денежными средствами. Предлагаем рассмотреть случаи привлечения сторон по договору номинального счета к ответственности относительно указанного деления их по мерам ответственности.

Так, в случае нарушения пункта 2 статьи 846 ГК РФ (незаконный отказ банка в открытии счета, совершение соответствующих операций по которому предусмотрено законом, уставом банка и выданным ему разрешением (лицензией)) банк несет ответственность в виде возмещения клиенту убытков, причиненных последнему необоснованным уклонением от заключения договора (п. 4 ст. 445 ГК РФ). Привлечение банка к ответственности по данному основанию было особо актуально в первый год после вступления в силу 1 июля 2014 г. Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, которым в правовую систему РФ вводилась конструкция номинального счета. На протяжении указанного года Банк России постоянно получал сведения об отказе со стороны кредитных организаций в открытии номинальных счетов опекунам и попечителям, неправомерность своих действий банки объясняли отсутствием у них необходимых внутренних документов и программного обеспечения. Банк России, в свою очередь, указал, что все действия банков, связанные с отказом в заключении договора номинального счета по причине незавершенности обязательных для этого внутренних процедур, в действительности образуют необоснованное препятствие для опекунов и попечителей осуществлять свои обязанности по обеспечению прав и законных интересов своих подопечных, в частности распоряжаться денежными средствами, предоставляемыми на содержание последнего, исполь-

зую предусмотренную законом конструкцию договора номинального счета⁴. Тем самым Банк России признал, что отказы кредитных организаций в открытии номинальных счетов со ссылкой на неготовность необходимых внутренних документов и программного обеспечения, направленных, прежде всего, на урегулирование порядка открытия, ведения и закрытия данных счетов, являются необоснованными, что предоставляет потерпевшим возможность обращаться в суд для взыскания с банков причиненных убытков.

По договору номинального счета клиенты также вправе потребовать возмещения убытков и в случае разглашения банком сведений, составляющих банковскую тайну (п. 3 ст. 857 ГК РФ). Вопрос о привлечении банка к ответственности по основанию разглашения банковской тайны, прежде всего, связан с определением круга лиц, которым могут быть в силу закона предоставлены сведения о клиенте и его счете, и с установлением вида информации, которую вправе затребовать указанные лица у банка (ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»⁵).

Кроме того, банк как лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность и соответственно отвечающее по своим обязательствам независимо от вины, привлекается к ответственности в виде возмещения причиненных клиенту убытков при нарушении пункта 2 статьи 847 ГК РФ: если иное не установлено законом или договором, банк несет ответственность за последствия исполнения поручений, выданных неуполномоченными лицами, и в тех случаях, когда с использованием предусмотренных банковскими правилами и договором процедур банк не мог установить факта выдачи распоряжения неуполномоченными лицами; при этом суд вправе уменьшить размер ответственности банка, когда будет установлено, что клиент своими действиями способствовал поступлению в банк указанных распоряжений (п. 2 ст. 404 ГК РФ). Часто суды отказывают клиентам в привлечении банка к ответственности по данному основанию, ссылаясь на то, что истцами не представлены доказательства наличия убытков и их размера, а также причинной связи между нарушением, допущенным банком, и возникшими убытками⁶. Банки же, выступая в качестве стороны, диктующей условия договора, нередко закрепляют в содержание договоров банковского счета обратное: «банк не несет ответственность за исполнение поручения, выданного неуполномоченным лицом, в том случае, если с использованием предусмотренных банковскими правилами и договором процедур он не мог установить факт выдачи распоряжения неуполномоченными лицами»; «клиент несет ответственность за достоверность предоставляемых в банк документов для открытия счета и совершения операций по счету», что служит основанием для отказа в удовлетворении соответствующих требований клиента⁷. При данных обстоятельствах невозможно не согласиться с В. В. Витрянским, выступающим против диспозитивного характера рассматриваемой нормы, которая по существу противоречит

праву владельца счета на восстановление нарушенных прав (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Ученый считает, что стороны в договоре могут закрепить только положения, предусматривающие возможность уменьшения размера возмещаемых банком убытков, но ни в коем случае не полное освобождение банка от ответственности⁸. В свою очередь, С. В. Сарбаш также заключает, что только в силах кредитных организаций предотвратить исполнения поручений, выданных неуполномоченными лицами, клиент же никак не может повлиять на это. С. В. Сарбаш призывает регулировать отношения по договору банковского счета, основываясь на стимулировании банков к предотвращению несанкционированных переводов денежных средств⁹.

Что же касается неустойки как меры договорной ответственности, которая может быть применена только в случаях, прямо предусмотренных законом или договором, то интересной представляется ситуация, связанная со статьей 856 ГК РФ, именуемой ответственность банка за ненадлежащее совершение операций по банковскому счету. Данная статья содержит шесть оснований привлечения банка к ответственности: 1) несвоевременное зачисление на счет клиента поступивших ему денежных средств, 2) необоснованное списание со счета клиента денежных средств, 3) невыполнение или 4) несвоевременное выполнение указаний клиента о перечислении денежных средств со счета, 5) невыполнение или 6) несвоевременное выполнение указаний клиента о выдаче денежных средств со счета. В качестве меры ответственности ст. 856 ГК РФ предусматривает обязанность банка уплатить проценты в порядке и в размере, которые предусмотрены статьей 395 ГК РФ, независимо от уплаты процентов, предусмотренных пунктом 1 статьи 852 ГК РФ. Данная мера ответственности в судебной практике и доктрине квалифицируется как законная неустойка, несмотря на имеющуюся отсылку к статье 395 ГК РФ (Ответственность за неисполнение денежного обязательства). Это объясняется тем, что по своей правовой природе ответственность, установленная в статье 856 ГК РФ, не может рассматриваться как санкция за нарушение денежного обязательства, она заключается в претерпевании банком негативных последствий именно за ненадлежащее исполнение банковских услуг. В этой связи ряд авторов подчеркивают, что в данных отношениях по договору банковского счета у банка отсутствует денежное обязательство перед клиентом⁹. Что же касается ссылки на статью 395 ГК РФ, то законодатель тем самым лишь указал на порядок определения размера законной неустойки.

Относительно же такой меры ответственности как уплата процентов за пользование чужими денежными средствами необходимо отметить следующее. Данная мера применяется к сторонам как нарушителям денежных обязательств. По договору банковского счета (следовательно, договору номинального счета) ответственность за неисполнение денежного обязательства, установленная статьей 395 ГК РФ, наступает при допущении клиентом или банком просрочки в

уплате денежных средств за услуги банка или за право пользования содержимым счета соответственно, а также во всех иных случаях, когда имеет место неправомерное удержание денежных средств. В частности, в пункте 3 статьи 866 ГК РФ предусмотрена обязанность банка уплатить проценты по ст. 395 ГК РФ при нарушении правил перевода денежных средств или условий договора, повлекшем несвоевременный перевод денежных средств. При этом Высший Арбитражный Суд РФ несколько раз акцентировал внимание на то, что если договором банковского счета предусмотрена обязанность банка уплачивать проценты за пользование находящимися на счете клиента денежными средствами (ст. 852 ГК РФ), а банк, в свою очередь, ненадлежащим образом исполняет обязанность, связанную с выполнением поручений клиента о перечислении денежных средств, то в случае списания банком со счета денежных средств без последующего их перечисления по назначению клиент вправе предъявить требование о привлечении банка к ответственности либо в виде уплаты законной неустойки по статье 856 ГК РФ, либо в виде уплаты процентов по статье 866 ГК РФ; в случае же несписания банком соответствующей денежной суммы со счета согласно поручению клиент имеет право требовать и применения указанной ответственности, и начисления процентов за пользование находящимися на счете денежными средствами (ст. 852 ГК РФ)¹⁰.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. ст. 410.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 21 дек. 2013 г. № 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 51. ст. 6699.
4. Об отдельном номинальном счете, открываемом опекуну или попечителю для зачисления денежных средств, выплачиваемых на содержание подопечного: Письмо Банка России от 01.06.2015 № 04-31-2/4745 // Вестник Банка России. 2015. № 50.
5. О банках и банковской деятельности: Федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6. ст. 492.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.10.2013 № 6118/13 по делу № А40-51284/12-133-469 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.
7. Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2016 № 306-ЭС16-10323 по делу № А72-17743/2014. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
8. Витрянский В. В. Ответственность сторон по договору банковского счета // Хозяйство и право. 2006. № 7. С. 31–43.
9. Сарбаш С. В. Договор банковского счета: проблемы доктрины и судебной практики. М., 1999. 272 с.
10. О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами: постановление Пленума Верховного Суда РФ, Пленума ВАС РФ от 08.10.1998 № 13, № 14 // 1998. № 11; О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета: постановление Пленума ВАС РФ от 19.04.1999 № 5 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7.

Е. О. Сафронова
студент, ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Богданов

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Понимание правовой природы органа юридического лица имеет важное практическое значение. В статье рассматриваются два основных подхода к пониманию юридической сущности органа юридического лица: органическая теория и теория представительства. Автор приходит к выводу о том, что на сегодняшний день законодатель придерживается органической теории. Однако в правоприменительной практике имеет место применение к данным правоотношениям норм о представительстве.

Ключевые слова: орган юридического лица, органическая теория, теория представительства.

E. O. Safronova
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Bogdanov

LEGAL NATURE OF A BODY OF LEGAL ENTITY: LEGISLATIVE AND DOCTRINAL APPROACHES

Understanding the legal essence of a legal entity body is important in practice. The paper examines two main approaches to understanding the legal essence of a legal entity body: organic theory and representation theory. The author comes to the conclusion that today the legislator adheres to the organic theory. However, in law enforcement practice, the rules of representation apply to these legal relations.

Keywords: body of a legal entity, organic theory, theory of representation.

На сегодняшний день существует два основных подхода к пониманию органа юридического лица.

В Гражданском кодексе Российской Федерации закреплено, что юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы (п. 1 ст. 53)¹. Таким образом, законодатель определяет орган юридического лица как его структурно оформленную часть, которая не является самостоятельным субъектом права, а только особым механизмом реализации правосубъектности юридического лица². Это так называемая органическая теория.

Согласно второму подходу, орган юридического лица рассматривается как его представитель, который, будучи самостоятельным субъектом права, действу-

ет от имени и в интересах юридического лица. Юридическое лицо само по себе представляется недееспособным, так происходит отождествление органа юридического лица и представителя³. Этому подходу придерживались дореволюционные исследователи (И. В. Шерешевский, С. Н. Братусь, Г. Ф. Шершеневич). Данная концепция основана на теории фикции юридического лица. В советской правовой доктрине преобладала теория представительства, в частности, ученый-процессуалист Д. М. Чечот утверждал, что «никакого другого процессуального положения, кроме положения представителя юридического лица, его руководитель занимать не может»⁴. Под руководителем понимается единоличный исполнительный орган юридического лица. Б. Б. Черепяхин, напротив, отмечал, что вполне допустимо считать, что орган юридического лица представляет его при совершении правомерных юридических действий: сделок, процессуальных действий и т. д. «Однако, – указывает Б. Б. Черепяхин, – ни в коем случае нельзя сказать, что орган представляет от имени юридического лица. Представителями юридического лица являются лица (граждане или юридическое лицо), уполномоченные органом юридического лица (добровольное представительство) или наделенные соответствующим полномочием в силу закона (обязательное представительство)»⁵.

Стоит отметить, что понимание органа юридического лица как его представителя нашло свое отражение в ГК РФ в редакции, которая вступила в силу 1 сентября 2014 г. В пункте 1 статьи 53 органы юридического лица определялись как «действующие от его имени» со ссылкой на нормы ГК о представительстве. Данная новелла просуществовала лишь несколько месяцев, однако успела оказать влияние на правоприменительную практику. Так, Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 25 марта 2014 г. № 19768/13 по делу № А12-12055/2013 была высказана позиция, согласно которой лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, признается представителем этой организации⁶.

Как отмечает А. В. Богданов, понимание органа юридического лица в качестве его представителя нашло свое отражение также в иных актах современного российского законодательства, в частности, в Арбитражном процессуальном кодексе РФ, Гражданском процессуальном кодексе РФ и в Налоговом кодексе РФ (часть 1)⁷. Среди современных исследователей теории представительства придерживаются, в частности, Е. В. Богданов⁸, Г. В. Цепов⁹, Н. В. Козлова¹⁰.

Однако большинство российских исследователей рассматривают орган юридического лица именно как его структурно обособленную часть. С. Д. Могилевский отвергает идею представительства юридического лица его органами, приводя следующие аргументы. Во-первых, представитель является самостоятельным субъектом права. Тогда как орган юридического лица такой самостоятельностью не обладает. При этом представитель выступает как обособленный

субъект по отношению к юридическому лицу, тогда как орган юридического лица является его обособленной частью. Во-вторых, между представителем и юридическим лицом наличествуют гражданско-правовые отношения. Между юридическим лицом и его органом таких отношений нет. В-третьих, представитель действует в рамках предоставленных ему полномочий, реализуя при этом собственную волю. Орган юридического лица собственной волей не обладает, а реализует волю самого юридического лица. Наконец, представитель действует на основании доверенности. Орган юридического лица – на основании устава в рамках обозначенной в корпоративных документах компетенции¹¹. Е. А. Суханов также является приверженцем органической теории, обосновывая свою позицию тем, что на совершение юридически значимых действий органу юридического лица не требуется доверенность¹². С аналогичной позицией выступают С. Г. Бушева¹³, Т. С. Сигина¹⁴ и Д. В. Ломакин¹⁵

Определение правовой природы юридического лица имеет важное практическое значение. Как отмечает Шиткина И. С., «к сделкам, совершенным от имени юридического лица его органами, нормы о представительстве не применяются. Это позволяет совершать сделки между юридическими лицами, в которых единоличным исполнительным органом является одно и то же лицо, что часто распространено в группах компаний (холдингах). Конфликт интересов в этом случае, в частности, преодолевается одобрением сделки, в совершении которой имеется заинтересованность»¹⁶. Отметим при этом, что в нормах ГК о представительстве установлен запрет на совершение сделок между лицами, представителем которых является одно и то же лицо. В этой же норме законодатель предусмотрел исключения, которые могут быть установлены законом. В частности, коммерческое представительство разных сторон одним лицом по сделке допускается с согласия этих сторон (п. 2 ст. 184 ГК РФ). Представляется, что процедуру одобрения сделки с заинтересованностью можно считать получением такого согласия.

Высшие судебные инстанции тем не менее допускают применение отдельных норм о представительстве по отношению к органам юридического лица. При этом правило о последствиях превышения представителем своих полномочий не применяется к случаям совершения сделок органом юридического лица с выходом за пределы ограничений, которые установлены его учредительными документами, иными документами, регулирующими деятельность юридического лица. То есть в этом случае орган юридического лица не принимает на себя права и обязанности по совершенной сделке. Такая сделка может быть оспорена на основании пункта 1 статьи 174 ГК РФ¹⁷. Тем не менее в данном случае орган юридического лица не отождествляется с представителем, законодатель лишь предусматривает одинаковые юридические последствия для представителя и органа юридического лица.

Таким образом, на сегодняшний день дискуссия о правовой природе органа юридического лица разрешена законодателем в пользу органической теории. Орган юридического лица понимается как его структурно обособленная часть, посредством которой юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности в рамках компетенции, предоставленной ему законодательством и учредительными документами. В правоприменительной практике нормы о представительстве к органам юридического лица применяются лишь косвенно, в случае оспаривания сделки, в совершении которой орган юридического лица вышел за пределы ограничений, установленных учредительными документами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238–239,
2. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М., 2006. С. 169.
4. Чечот Д. М. Участники гражданского процесса. М., 1960. С. 145–146.
5. Черепяхин Б. Б. Органы и представители юридического лица // Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 472.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 25.03.2014 № 19768/13 по делу № А12-12055/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Богданов А. В. Гражданско-правовой статус управляющей организации как единоличного исполнительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 21.
8. Богданов Е. В. Сущность и ответственность юридического лица // Государство и право. 1997. № 10. С. 97–101.
9. Цепов Г. В. Понятие органа юридического лица по российскому законодательству // Правоведение. 1998. № 3. С. 92–93.
10. Козлова Н. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 8. С. 46.
11. Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Российское гражданское право. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2015. С. 192.
13. Бушева С. Г. Орган юридического лица: правовой статус и соотношение со смежными институтами // Законодательство. 2005. № 2. С. 58–59.
14. Сигина Т. С. Управление в акционерном обществе (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГБ, 2008. С. 8, 12–13.
15. Ломакин Д. В. Общие положения об органах акционерного общества // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2003. № 4. С. 29.
16. Шиткина И. С. Указ. соч.
17. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. № 140.

И. В. Столбов
студент, ПГНИУ
Научный руководитель: Е. В. Любимова

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА ЗАСТРОЙЩИКОВ

Рассматриваются особенности процедур банкротства застройщиков в аспекте обеспечения приоритетной защиты граждан – участников строительства как непрофессиональных инвесторов. Приведен результат детального анализа действующего законодательства, а также подходов, выработанных судебной практикой и доктриной, по вопросу определения обстоятельств, которые необходимо установить арбитражному суду для возможности реализации специальных правил о банкротстве застройщика. Отдельное внимание уделено рассмотрению содержания категории «застройщик».

Ключевые слова: особенности банкротства отдельных категорий должников – юридических лиц, банкротство застройщиков, участники строительства.

I. V. Stolbov
Student, Perm State University
Supervisor: E. V. Lyubimova

TO THE QUESTION OF CERTAIN PECULIARITIES OF IMPLEMENTATION OF PROCEDURES OF BANKRUPTCY OF DEVELOPERS

This article is devoted to consideration of peculiarities of procedures of bankruptcy of developers in terms of ensuring priority protection of citizens – participants of construction as unprofessional investors. The author provides the result of a detailed analysis of the current legislation, as well as the approaches developed by judicial practice and doctrine, on the question of determining the circumstances that need to be established by the arbitral tribunal in order to implement the special rules on bankruptcy of the developer. Special attention is paid to the consideration of the content of the category "developer".

Key words: peculiarities of bankruptcy of certain categories of debtors – legal entities, bankruptcy of developers, participants of construction.

Банкротство застройщиков на сегодняшний день не перестает оставаться одной из наиболее острых тем для исследования, поскольку институт долевого строительства занял достаточно прочные позиции на рынке жилищного строительства. Учитывая сложившуюся экономическую ситуацию в нашей стране, можно с уверенностью предположить, что в период со второй половины 2020 года по 2021 год высока вероятность роста числа банкротств застройщиков после непродолжительного спада, отмечавшегося в 2018–2019 годах. Представляется, что своего рода спасением не станут и нормы о моратории на возбуждение дел о банкротстве, поскольку они могут быть применимы лишь в отношении

крупнейших девелоперов, получивших статус «системообразующих застройщиков»¹, осуществляющих свою деятельность преимущественно на рынке жилищного строительства Москвы, Подмоскovie и Санкт-Петербурга².

Высокая социальная значимость деятельности застройщиков обуславливает и специфику процедуры их банкротства, которая существенным образом отличается от процедуры банкротства, осуществляемой в общем порядке. Процедура банкротства застройщиков регламентирована параграфом 7 главы IX ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)³. Характеризуя данные нормы, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) в одном из своих постановлений отмечал, что «основной целью принятия специальных правил о банкротстве застройщиков является обеспечение приоритетной защиты граждан – участников строительства как непрофессиональных инвесторов. Применение указанных правил должно быть направлено на достижение этой цели, а не на воспрепятствование ей...»⁴. Таким образом, из обозначенной позиции с очевидностью следует, что особенности банкротства застройщиков являются своего рода следствием особого статуса кредиторов – участников строительства. Ниже рассмотрим ключевые особенности процедуры банкротства застройщиков.

Важной особенностью процедуры банкротства застройщиков является то обстоятельство, что в деле о банкротстве застройщика в качестве должника выступает специфический субъект – застройщик. Причем, как справедливо отмечают С. А. Карелина, И. В. Фролов, чтобы признаваться застройщиком, не обязательно им являться по смыслу норм градостроительного законодательства, достаточно лишь обладать рядом признаков, сформулированных в подпункте 1 пункта 1 статьи 201.1 Закона о банкротстве, т. е.: а) быть юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем; б) привлекать денежные средства и (или) иное имущество для строительства многоквартирного жилого дома и (или) жилого дома блокированной застройки⁵. Указанные признаки являются существенными для целей принятия арбитражными судами решений о рассмотрении дел о банкротстве по правилам параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве. Вместе с тем, как показывает судебная практика, в определенных случаях застройщиком может быть признано лицо, являющееся правообладателем земельного участка и (или) объекта строительства, но денежные средства напрямую не привлекающее⁶, лицо, прикрывающее фактического застройщика, самостоятельно привлекающая в интересах последнего денежные средства и (или) иное имущество⁷, а также лицо, фактически аккумулирующее денежные средства, переданные для строительства многоквартирного дома⁸.

Еще одной особенностью процедуры банкротства застройщика является наличие особого предмета доказывания для возможности реализации правил, предусмотренных параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве. Согласно позиции Верховного Суда РФ, сформулированной им в одном из своих определе-

ний⁹, для возможности рассмотрения арбитражными судами дел о банкротстве по правилам, предусмотренным параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве, либо для перехода к рассмотрению дел по таким правилам, помимо наличия общих признаков банкротства должно быть установлено наличие особой совокупности обстоятельств, а именно: а) привлечение должником денежных средств и (или) имущества участника строительства; б) наличие к должнику денежных требований или требований о передаче жилых помещений; в) объектом строительства должен выступать многоквартирный дом, который на момент привлечения денежных средств и (или) имущества участника строительства не введен в эксплуатацию. Указанная правовая позиция, несмотря на ее применимость к отношениям, вытекающим из банкротства застройщиков, возникшим после ее формирования, в полном объеме не учитывает возможности рассмотрения дел о банкротстве застройщиков по правилам, предусмотренным параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве, в случае, если объектом строительства выступает жилой дом блокированной застройки. Данное обстоятельство обусловлено формированием правовой позиции до того, как Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 304-ФЗ¹⁰ в подпункт 5 пункта 1 статьи 201.1 Закона о банкротстве внесены были внесены изменения, в соответствии с которыми в качестве объекта строительства смог выступать и жилой дом блокированной застройки. Вместе с тем, в свете обозначенной проблемы стоит отметить, что судами долгие годы формировалась практика отказов в рассмотрении дел о банкротстве с применением правил, предусмотренных параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве. В этой связи довольно показательным выступает пример, следующий из одного из постановлений Президиума ВАС РФ, которым оставлены без изменения определения нижестоящих судов об отказе в удовлетворении ходатайства о применении при банкротстве правил параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве ввиду того, что объектом строительства выступали секции в блокированном жилом доме¹¹.

Однако как показывает практика, для возможности применения правил, предусмотренных параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве, должна быть безусловно установлена вся совокупность обстоятельств, входящих в обозначенный выше предмет доказывания. Так Арбитражный Суд Московского округа своим постановлением¹² оставил без изменения определение Арбитражного суда города Москвы об отказе в удовлетворении заявления о прекращении применения правил параграфа 7 главы IX ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», переходе к рассмотрению дела по общим правилам процедуры банкротства, поскольку было установлено соблюдение всех специальных условий, необходимых для признания за должником статуса застройщика: привлечение должником денежных средств участников строительства, наличие денежных требований и требований о передаче жилых помещений. И, напротив, в отсутствие доказательств осуществления должником предпринимательской деятельности, а также его уча-

ствия в строительстве жилого дома и привлечения для этих целей денежных средств участников строительства; а также доказательств подтверждения у кредиторов денежных требований к должнику, в применении правил, предусмотренных параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве, может быть отказано¹³.

Таким образом, нами были рассмотрены основные, далеко не исчерпывающие, особенности реализации процедур банкротства застройщиков. Стоит констатировать тот факт, что законодательство, регламентирующее процедуру банкротства застройщиков, за последние годы претерпело существенные изменения, однако о повышении его эффективности с точки зрения обеспечения прав участников строительства пока говорить преждевременно.

Литература

1. Что даст застройщикам включение в расширенный перечень системообразующих компаний // Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/a/2020/04/24/Obrazovali_sistemu/ (дата обращения: 28.04.2020)
2. В перечень системообразующих организаций, подготовленный Минстроем, вошли 43 компании, занимающиеся жилищным строительством // Новости ЕРЗ.РФ. URL: <https://erzrf.ru/news/v-perechen-sistemoobrazuyushchikh-organizatsiy-podgotovlennyyu-minstroyem-voshli-43-kompanii-zanimayushchiyesya-zhilishchnym-stroitelstvom/> (дата обращения: 28.04.2020)
3. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 43, ст. 4190
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 13239/12 по делу № А55-16103/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2018
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.08.2016 № 304-ЭС16-4218 по делу № А46-13473/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.07.2015 по делу № 305-ЭС15-3229, А40-33319/14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.08.2016 № 304-ЭС16-4218 по делу № А46-13473/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 3 июля 2016 г. № 304-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 04.07.2016, № 27, ч. II, ст. 4237
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 № 15636/13 по делу № А41-5150/11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2019 № Ф05-21481/2016 по делу № А40-244518/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.06.2018 № Ф07-3407/2018 по делу № А56-92566/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ФОРМИРОВАНИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПОДХОДОВ К ОЧЕРЕДНОСТИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Несмотря на относительную стабильность положений Закона о банкротстве по вопросу очередности удовлетворения реестровых требований кредиторов, практика применения судами данной нормы отличается большим разнообразием подходов. В статье приведены примеры судебной практики, где правоприменительная деятельность судов находится на грани с правотворчеством, создавая новые подходы к очередности удовлетворения требований кредиторов.

Ключевые слова: очередность удовлетворения требований, реестр требований кредиторов, компенсационное финансирование.

M. G. Sukhanova
Perm State University

THE DEVELOPMENT OF THE APPROACH TO THE LEGAL PRIORITY OF CREDITORS IN JUDICIAL PRACTICE ON BANKRUPTCY PROCEEDINGS

In spite of relative stability of bankruptcy law on the issue of the priority of claims, the judicial practice of its application is characterized by a much variety. In the article some examples of judicial practice are analyzed, that demonstrate a fine line between law-enforcement activity and legislative activity, which generate new approaches to the legal priority of creditors.

Keywords: priority of claims, register of creditor's claims, compensatory financing.

Регламентация очередности удовлетворения реестровых требований кредиторов в процедуре банкротства должника содержится в пункте 4 статьи 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26 октября 2002 г.¹ (далее – Закон о банкротстве). Подход законодателя к регулированию указанного вопроса следует признать в целом стабильным, изменения в данный пункт статьи 134 Закона о банкротстве вносятся относительно редко. В свою очередь судебная практика и разъяснения высших судебных инстанций отличаются значительной активностью в трактовке данной нормы и формированию новых подходов к определению очередности удовлетворения требований кредиторов.

В качестве одного из примеров этого можно привести длительную дискуссию о правовой природе и очередности удовлетворения требований налогового органа по уплате должником НДФЛ. Достаточно широко был распространен

подход, заключающийся в выведении задолженности по НДФЛ «за скобки» процедуры банкротства и невозможности ее отнесения ни к текущим, ни к реестровым обязательствам должника². Удовлетворение таких требований предполагалось в порядке, предусмотренном статьей 855 ГК РФ, а не положениями законодательства о банкротстве.

С принятием Постановления Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 г. № 37 «О внесении изменений в постановление Пленума ВАС РФ по вопросам, связанным с текущими платежами» требования об уплате должником сумм НДФЛ, удержанных им до возбуждения дела о банкротстве, были отнесены к реестровым требованиям второй очереди³. Указанный подход подлежал применению в процедурах банкротства, введенных после размещения настоящего постановления на сайте ВАС РФ.

Окончательная точка в указанной дискуссии поставлена с принятием Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства⁴. В абзаце 6 пункта 8 Обзора указано, что «поскольку доходы в виде оплаты труда, выходных пособий, вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности, согласно абзацу третьему пункта 4 статьи 134 Закона о банкротстве, относятся ко второй очереди расчетов с кредиторами, задолженность по перечислению в бюджет налога на доходы физических лиц, удержанного должником в качестве налогового агента при выплате этих доходов, также относится к реестровым требованиям второй очереди».

Рассмотренная ситуация – пример того, как в течение нескольких лет в судебной практике изменялась трактовка статьи 134 Закона о банкротстве без малейшего изменения самой правовой нормы.

Еще одним примером проявления широкого толкования норм законодательства о банкротстве являются судебные акты, выносимые в рамках дел о несостоятельности управляющих компаний. В данном случае речь идет о спорах по оспариванию сделок по преимущественному удовлетворению требований ресурсоснабжающих организаций. Тем не менее, выводы судов по указанным спорам фактически возводят указанных кредиторов в особую категорию. В частности, суды отказывают в признании недействительными платежей, совершенных в пользу ресурсоснабжающих организаций, даже если они попадают в период подозрительности, установленный ст. 61.3 Закона о банкротстве, со ссылкой на то, что денежные средства, перечисленные либо подлежащие перечислению собственниками и нанимателями помещений многоквартирных домов в счет оплаты коммунальных услуг, не являются собственностью управляющей организации, а должны быть направлены непосредственно поставщику коммунального ресурса⁵.

Если даже представить изложенный судом подход к целевому характеру задолженности населения верным, в таком случае следует признать необоснованным в принципе включение требований поставщиков услуг в реестр требований

кредиторов управляющей компании. Если рассматривать управляющую компанию в качестве некоего агента между поставщиком услуг и населением, следует сделать вывод, что и предъявлять требования по оплате оказанных услуг такие поставщики должны непосредственно к населению.

В противном случае складывается весьма противоречивая ситуация: единственно возможный актив управляющей компании – дебиторская задолженность – согласно логике суда, принадлежит непосредственно ресурсоснабжающей организации, соответственно, фактически выводится за рамки конкурсной массы, а обязательства по оплате этих же услуг формируются на должнике, который остается без активов, но с обязательствами.

Такой подход судов к взаимоотношениям управляющих компаний и ресурсоснабжающих организаций фактически возводит ресурсоснабжающие организации в особую категорию кредиторов, выводя их за пределы процедуры банкротства, позволяя удовлетворять свои требования, независимо от наличия иных кредиторов. При этом ни одна норма Закона о банкротстве не рассматривает ресурсоснабжающие организации как привилегированного кредитора с особым статусом.

Но, пожалуй, самая острая дискуссия по спорам о включении задолженности в реестр требований кредиторов развернулась в судебной практике по поводу требований контролирующих должника лиц.

В 2017–2018 гг. широкое распространение получило применение судами статей 10, 170 ГК РФ к требованиям аффилированных кредиторов, основанных на займах, выданных должнику. И такая практика нижестоящих инстанций была поддержана Судебной коллегией ВС РФ в Определении от 6 июля 2017 г. № 308-ЭС17-1556 (1), вынесенном по делу по делу № А32-19056/2014⁶. Судебной коллегией, в частности, указано на то, что предоставление должнику денежных средств в форме займа (в т.ч. на льготных условиях) может при определенных обстоятельствах свидетельствовать о намерении займодавца временно компенсировать негативные результаты своего воздействия на хозяйственную деятельность должника. В такой ситуации заем может использоваться вместо механизма увеличения уставного капитала, позволяя на случай банкротства формально нарастить подконтрольную кредиторскую задолженность. При таких условиях с учетом обстоятельств дела суд вправе переqualифицировать заемные отношения в отношении по поводу увеличения уставного капитала по правилам пункта 2 статьи 170 ГК РФ либо при установлении противоправной цели – по правилам об обходе закона, признав за прикрываемым требованием статус корпоративного, что является основанием для отказа во включении его в реестр. С появлением указанной позиции ВС РФ практически любое требование аффилированного кредитора было обречено на отказ во включении в реестр.

С одной стороны, такой подход, безусловно, отвечает интересам кредиторов, на которых не должны перекладываться риски неразумного управления бизнесом. С другой стороны, перспективы распространения и укрепления такого подхода могут иметь более глубокие негативные последствия для экономики в целом, особенно в кризисные периоды. Участникам юридического лица будет просто нецелесообразно вкладывать ресурсы в спасение юридического лица, столкнувшегося с финансовыми сложностями. Под угрозой лишения права на возврат произведенного финансирования, собственнику бизнеса выгоднее создать новое юридическое лицо, перевести основу деятельности на него, а финансово неустойчивую компанию оставить с долгами. Такой исход дела вряд ли будет отвечать и интересам кредиторов такого «заброшенного» юридического лица.

Некоторые ориентиры в применении изложенного подхода к рассмотрению требований аффилированных кредиторов даны Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц от 29 января 2020 г.⁷

Исходя из смысла разъяснений ВС РФ, приведенных в пункте 3.1. указанного Обзора, финансирование, предоставляемое контролирующим лицом в целях вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности является компенсационным финансированием. В этом случае требования такого лица подлежат удовлетворению после погашения требований кредиторов, предъявивших требование после закрытия реестра, но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 ГК РФ. Таким образом, Верховный Суд фактически ввел новую очередь реестра требований кредиторов – очередность, предшествующая распределению ликвидационной квоты.

В этой связи следует обратиться к изменениям Закона о банкротстве, обусловленным экономическими последствиями, спровоцированными ситуацией с распространением коронавирусной инфекции. Применительно к процедурам банкротства наиболее знаковым событием стало введение моратория на возбуждение дел о банкротстве в отношении отдельных категорий должников⁸. При этом в подпункте 4 пункта 4 нововведенной статьи 9.1. Закона о банкротстве установлено правило о признании ничтожными сделок, совершенных в период действия моратория, по передаче имущества и принятию обязательств или обязанностей (кроме совершаемых в обычной хозяйственной деятельности, осуществляемой должником, если цена имущества, передаваемого по одной или нескольким взаимосвязанным сделкам, или размер принятых обязательств или обязанностей не превышает один процент стоимости активов должника, определяемой на основании бухгалтерской отчетности должника за последний от-

четный период на дату введения моратория). Представляется, что финансирование, предоставляемое в такой ситуации со стороны участников общества, как раз и будет относиться к категории таких сделок. Соответственно, такое финансирование в указанный кризисный период будет невозвратным, даже если оно само по себе будет иметь положительный эффект, но, к примеру, будет недостаточным для того, чтобы полностью вывести организацию из кризиса.

Анализ рассмотренных положений о требованиях контролирующих должника лиц позволяет сделать вывод о неоднородности подходов к рассмотрению таких споров. Фактически получается, что то, что раньше называлось ничтожной сделкой, а, следовательно, не могло повлечь правовых последствий, помимо связанных с ее недействительностью, теперь все же имеет шанс на существование применительно к процедуре банкротства хотя бы в очередности, предшествующей ликвидационной квоте. При этом с учетом нововведенной статьи 9.1. Закона о банкротстве в части ничтожности сделок в период действия моратория никакое финансирование со стороны контролирующих лиц не может признаваться компенсационным и претендовать даже на очередность, предшествующую ликвидационной квоте, применительно к организациям, на которые распространяется действие моратория. В таком случае отсутствует смысл даже пытаться спасти организацию.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 янв. 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 43, ст. 4190.
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.11.2013 г. № 5438/13 по делу № А78-4281/2012; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27.01.14 г. по делу № А81-257/2013; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 08.07.13 г. по делу № А73-12070/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам, связанным с текущими платежами: постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 г. № 37 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016). // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9, сентябрь, 2017.
5. Определение Арбитражного суда Пермского края от 17.01.2019 г. по делу № А50-2241/2018; Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 02.04.2019 г. по делу № А50-2241/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c92ce00c-8546-4c0b-be80-70d135dcb4e7> (дата обращения: 10.05.2020 г.).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1) по делу № А32-19056/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 98-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020 г. № 14, ч. 1, ст. 2028.

К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ НЕИСПОЛНЕНИЯ БАНКОМ РЕШЕНИЯ НАЛОГОВОГО ОРГАНА О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ОПЕРАЦИЙ ПО СЧЕТАМ

Рассматриваются основные последствия неисполнения банком решения налогового органа о приостановлении операций по счетам. Анализируются виды ответственности, к которым может быть привлечен банк и его должностные лица. Обращается внимание на отдельные проблемы, возникающие при этом

Ключевые слова: приостановление операций по счетам, ответственность банка за неисполнение решения о приостановлении операций по счетам, право налоговых органов предъявлять иски

N. V. Syropiatova
Perm State University

TO THE QUESTION OF THE CONSEQUENCES OF THE BANK'S NON-COMPLIANCE WITH THE DECISION OF THE TAX AUTHORITY ON THE SUSPENSION OF ACCOUNT OPERATIONS

The article discusses the main consequences of the bank's failure to comply with the decision of the tax authority to suspend operations on accounts. The types of responsibility to which the bank and its officials may be held are analyzed. Attention is drawn to individual problems arising from this.

Keywords: suspension of operations on accounts, responsibility of the bank for non-execution of a decision on the suspension of operations on accounts, the right of tax authorities to bring claims

Одним из способов обеспечения исполнения обязанностей по уплате налогов, сборов, страховых взносов является приостановление операций по счетам в банках. Данный способ достаточно часто применяется налоговыми органами. В условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, принятия мер, связанных с предупреждением ее распространения, появляются нормативные акты, направленные на обеспечение устойчивого развития экономики. Одним из таких актов было приостановлено до 31 мая 2020 года включительно вынесение налоговыми органами в соответствии с пунктами 3 и 3.2 статьи 76 Налогового кодекса РФ¹ решений о приостановлении операций по счетам в банках и переводов электронных денежных средств².

В обычных условиях указанный способ является достаточно эффективным. По общему правилу, в случае принятия налоговым органом решения о приостановления операций по счету, банком прекращаются все расходные операции по нему, если иное не предусмотрено НК РФ. Статья 76 НК РФ содержит случаи, на которые не распространяется приостановление операций по счету. Речь, в частности, идет об отдельных видах платежей, очередность исполнения которых в соответствии с гражданским законодательством РФ (п. 2 ст. 855 Гражданского кодекса Российской Федерации³) предшествует исполнению обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, а также на операции по списанию денежных средств в счет уплаты налогов (авансовых платежей), сборов, страховых взносов, соответствующих пеней и штрафов и по их перечислению в бюджетную систему РФ. К таковым относятся, например, платежи, которые направлены на удовлетворение требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также требований о взыскании алиментов; по исполнительным документам, предусматривающим перечисление или выдачу денежных средств для расчетов по выплате выходных пособий и оплате труда с лицами, работающими или работавшими по трудовому договору (контракту); по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности, а также платежи, направленные на оплату труда лиц, работающих по трудовому договору (контракту).

Банки обязаны контролировать назначение платежей, чтобы не допустить совершение операций, которые должны быть прекращены при приостановлении операций по счету. В противном случае банк и его должностные лица будут привлечены к ответственности, государству будет причинен ущерб, который может быть возмещен путем взыскания с банка денежных средств, не поступивших в бюджет от налогоплательщика.

На практике иногда возникают проблемы, связанные с определением назначения платежа, что влечет за собой споры о привлечении банка к ответственности за неисполнение решения налогового органа о приостановлении операций по счетам, которая предусмотрена статьей 134 НК РФ.

Осуществление банком операций, с нарушением требований, установленных ст. 76 НК РФ, расценивается как неправомерные действия банка, которые влекут за собой невозможность взыскания недоимки.

В судебной практике возникают споры, связанные с определением правомерности действий банка при приостановлении операций по счету. В некоторых случаях клиенты банка – налогоплательщики пытаются скрыть назначение платежа, подменив одно другим. Например, представляют осуществляемый платеж как оплату труда работников (перечисление заработной платы), но на самом деле он таковым не является. Суды в каждом конкретном случае анализируют об-

стоятельства дела, оценивают доказательства в совокупности и определяют реальное назначение платежа.

Рассмотрев требование о признании недействительным решения налогового органа о привлечении банка к ответственности за неисполнение решения о приостановлении операций по счетам налогоплательщика по статье 134 НК РФ, Арбитражный суд Уральского округа отказал в удовлетворении требования, так как в период действия указанного решения было произведено списание денежных средств с назначением платежа «зачисление заработной платы на карточки работников», но данные средства фактически не являлись заработной платой, которая согласно пункту 1 статьи 76 НК РФ и статье 855 ГК РФ относится к платежам, на которые не распространяется приостановление операций по счетам, так как очередность их исполнения предшествует исполнению обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов. По мнению суда, банку должно было быть известно об этом⁴. Данный вывод был сделан судом на основании того, что ранее перечисления со счета на заработную плату производились банком только дважды в прошлом году. Зарплатный проект с банком отсутствует. Спорные платежные документы были представлены без платежных документов на перечисление удержанного НДФЛ. Сумма, которая была списана как заработная плата, коррелирует с суммой поступлений на счет в непродолжительном промежутке времени. Суд отметил, что особый режим исполнения расчетных операций, связанный с ограничениями, устанавливаемыми решением налогового органа, возлагает на банк дополнительные обязанности по контролю за назначением платежей, в целях недопущения списания денежных средств налогоплательщика в обход решения инспекции о приостановлении операций по счетам и нарушения положений ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁵. В результате банк был привлечен к ответственности, предусмотренной статьей 134 НК РФ.

С 1 января 2007 года, помимо привлечения банка к ответственности, согласно подпункту 14 пункта 1 статьи 31 НК РФ налоговые органы имеют право предъявлять в суды иски (заявления), в том числе о возмещении ущерба, причиненного государству и (или) муниципальному образованию вследствие неправомерных действий банка по списанию денежных средств (драгоценных металлов) со счета налогоплательщика после получения решения налогового органа о приостановлении операций, в результате которых стало невозможным взыскание налоговым органом недоимки, задолженности по пеням, штрафам с налогоплательщика в порядке, предусмотренном НК РФ.

К ответственности за неисполнение решения налогового органа о приостановлении операций по счетам, помимо самого банка, могут быть привлечены и его должностные лица. Привлечение к ответственности банка по ст. 134 НК РФ не исключает возможность привлечь к административной ответственности его

должностных лиц по статье 15.9 КоАП РФ⁶, согласно которой последние привлекаются к ответственности, если банк, имея решение о приостановлении операций по счету, осуществляет расходные операции, которые должны быть при этом прекращены. Также должностное лицо банка может быть привлечено к административной ответственности по статье 15.7 КоАП РФ при открытии счета организации или индивидуальному предпринимателю при наличии у банка решения налогового органа о приостановлении операций по счетам этого лица. В пункте 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18⁷ обращено внимание, что субъектами правонарушений, предусмотренных статьями 15.7 и 15.9 КоАП РФ являются должностные лица.

Помимо административной ответственности должностное лицо банка может быть привлечено и к уголовной ответственности. Статья 199.2 Уголовного кодекса РФ⁸ предусматривает ответственность за сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов. В пункте 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»⁹ отмечается, что в тех случаях, когда лицо совершает в крупном или особо крупном размере сокрытие денежных средств либо имущества, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством о налогах и сборах, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам, сборам, страховым взносам, и предметом сокрытия выступают денежные средства либо имущество, в отношении которых применены способы обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов в виде приостановления операций по счетам (ст. 76 НК РФ) и (или) ареста имущества (ст. 77 НК РФ), содеянное полностью охватывается составом преступления, предусмотренного статьей 199.2 УК РФ. При этом умышленные действия служащего кредитной организации, осуществившего банковские операции с находящимися на счетах денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест, при наличии к тому оснований квалифицируются по части 1 статьи 312 УК РФ.

Таким образом, за неисполнение решения налогового органа о приостановлении операций по счетам банк может быть привлечен к ответственности, предусмотренной НК РФ, его должностные лица к административной и даже уголовной ответственности. Также налоговый орган может подать иск о возмещении публичному образованию ущерба, причиненного неправомерными действиями банка.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. № 148–149.
2. О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики: постановление Правительства Рос. Федерации от 2 апр. 2020г. № 409 (ред. от 16.05.2020) (вместе с «Правилами предоставления отсрочки (рассрочки) по уплате налогов, авансовых платежей по налогам и страховых взносов») (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.05.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020, № 15 (часть IV), ст. 2267.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238–239,
4. См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.04.2019 № Ф09-2029/19 по делу № А60-40826/2018; определение Верховного Суда Рос. Федерации от 20.08.2019 № 309-ЭС19-13057 по делу № А60-40826/2018 [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Российская газета. 2001. № 151–152.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
7. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 окт. 2006 г. № 18 (ред. от 25.06.2019) // Российская газета. 2006. № 250.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996, № 25, ст. 2954.
9. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 26 нояб. 2019 г. № 48 // Российская газета. 2019. № 276,

ОБЯЗАННОСТЬ ПО УПЛАТЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ АРБИТРАЖНОМУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ СО СТОРОНЫ КОНКУРСНОГО КРЕДИТОРА КАК ЗАЯВИТЕЛЯ ПО ДЕЛУ О БАНКРОТСТВЕ

Как известно, среднестатистический конкурсный кредитор может рассчитывать лишь на 3,5 рубля со 100 рублей своих требований к должнику-банкроту. И без того незавидное положение конкурсного кредитора усугубляется положением о том, что на него, как на заявителя по делу о банкротстве, без его согласия может быть возложено бремя финансирования деятельности арбитражного управляющего. Таким образом, с лишенного возможности взыскать задолженность дополнительно взыскиваются и расходы на содержание арбитражного управляющего, действия которого зачастую и приводят к опустошению конкурсной массы. В статье рассматривается нормативное обоснование данного подхода, а также дается оценка такого положения исходя из логического и телеологического толкования закона о банкротстве.

Ключевые слова: цель банкротства, вознаграждение конкурсного управляющего, финансовый иммунитет арбитражного управляющего, конкурсный кредитор, заявитель в деле о банкротстве.

A. V. Syatchikhin
Perm State University

OBLIGATION TO FINANCE THE ARBITRATION ADMINISTRATOR OF THE CREDITOR AS AN APPLICANT BANKRUPTCY

As you know, the average tender creditor can count only on 3.5 rubles with 100 rubles of its claims to the debtor-bankruptcy. The already unenforceable position of the tender creditor is exacerbated by the provision that, as a bankruptcy claimant, without his consent, he may be charged with the burden of financing the activities of the arbitration manager. Thus, the cost of maintaining the arbitration manager, whose actions often lead to the devastation of the tender mass, is additionally recovered from the inability to recover the debt. The article considers the normative justification of this approach, as well as an assessment of this situation on the basis of the logical and teleological interpretation of the bankruptcy law.

Keywords: purpose of bankruptcy, compensation of the receiver, financial immunity of the arbitrator, the creditor, the applicant in the bankruptcy case.

По общему правилу, установленному пунктом 1 статьи 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – «Закон о банкротстве») все судебные расходы, в том числе расходы на выплату вознаграждения арбитражному управляющему относятся на имущество должника и возмещаются за счет этого имущества вне очереди.

Исключением из этого правила является положение о погашении указанных расходов за счет заявителя по делу о банкротстве – в случае отсутствия у должника средств, достаточных для погашения таких расходов (п. 3 ст. 59 Закона о банкротстве). Возможность переложения бремени финансирования процедуры банкротства на заявителя обосновывается законодателем и правоприменителем тем, что при обращении с заявлением о признании должника банкротом на нем лежит обязанность предоставления доказательств того, что у последнего имеется имущество, достаточное для погашения расходов по делу о банкротстве (ст. 38 Закона о банкротстве, п. 12 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.12.2009 №91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве»²).

При этом в ряде случаев арбитражные суды несколько видоизменяют (уточняют) гипотезу данной нормы, что приводит к несправедливому, на наш взгляд, переложению бремени финансирования процедуры на заявителя – конкурсного кредитора в отсутствие его согласия об этом и, соответственно, в отсутствие необходимого и логичного для данного случая прекращения производства по делу³. Так, по логике суда, при подаче заявления о признании должника банкротом заявитель якобы обладает сведениями о финансовом состоянии должника и о возможности осуществления финансирования процедуры банкротства за его счет. В противном случае риск (бремя) несения расходов по финансированию процедуры переходит на заявителя. И это даже при том, что конкурсное производство по ходатайству конкурсного управляющего будет продлеваться более 10 раз (с соответствующим увеличением расходов на «содержание» управляющего) и с момента введения процедуры пройдет уже 5 лет, как в приведенном случае. Порочность и несправедливость указанного подхода видится нам в следующем.

Во-первых, в самом начале пути, при подготовке к подаче заявления о признании должника банкротом, заявитель ограничен в возможностях по сбору доказательств о наличии имущества, достаточного для погашения расходов на банкротства должника.

Во-вторых, суд оценивает представленные заявителем доказательства, признает заявление обоснованным и своим определением вводит соответствующую процедуру. На этом процессуальная обязанность по представлению таких доказательств должна считаться исполненной и, соответственно, ответственность, как и любые иные неблагоприятные последствия (например, переложение бремени финансирования процедуры), за надлежащее исполнение своей обязанности последовать не может.

В-третьих, законом о банкротстве предусмотрены институты прекращения производства и получения согласия заявителя на дальнейшее финансирование процедуры. Первый является процессуальным последствием второго (в случае отказа заявителя от финансирования банкротства за свой счет).

В-четвертых, собранные заявителем доказательства о наличии имущества, достаточного для погашения расходов ведение процедуры банкротства должника актуальны при подаче заявления, а не на протяжении всей процедуры. В противном случае нужно дать ответ на вопрос, а какое количество продлений процедуры конкурсного производства должен взять в расчет заявитель при подаче заявления и по какой методике произвести его?

В-пятых, такими сведениями как раз и обладает тот, чье содержание фактически и финансирует заявитель – конкурсный кредитор – арбитражный управляющий. Он осуществляет полномочия руководителя должника, он проводит инвентаризацию его имущества, привлекает оценщика, осуществляет поиск его имущества, взыскивает дебиторскую задолженность и т.д. Однако если по непонятным причинам конкурсный управляющий в условиях отсутствия источников дальнейшего финансирования процедуры не подаст заявление о прекращении банкротства (не исполнит своей процессуальной обязанности), то от негативных последствий этого почему-то пострадает заявитель – конкурсный кредитор...

В-шестых, о безакцептном финансировании процедуры банкротства заявитель – конкурсный управляющий узнает, как правило, уже постфактум, когда арбитражный управляющий обращается в суд с заявлением о возмещении своих расходов (вознаграждения), поскольку предусмотренная законом о банкротстве процедура получения согласия заявителя на дальнейшее финансирование банкротства в данном случае не проводится.

В-седьмых, при удовлетворении требований за счет реализации конкурсной массы конкурсный кредитор, являющийся заявителем по делу о банкротстве, не имеет каких-либо привилегий относительно других конкурсных кредиторов той же очереди. Иными словами, соразмерное удовлетворение своих требований одной очереди кредиторов получают все в равной мере, а бремя финансирования процедуры возлагается лишь на одного из конкурсных кредиторов, причем за счет всего его имущества, а не в объеме полученного в результате конкурса.

Данное положение дел усугубляется еще тем, что в 7 из 10 случаев именно конкурсный кредитор выступает заявителем по делу о банкротстве. При этом общая доля удовлетворения требований конкурсных кредиторов составляет каких-то 3,5 %, а в 70 % случаев конкурсные кредиторы, в том числе инициаторы банкротства, не получают ничего⁴. Получают «свое» лишь арбитражные управляющие...

Обратим внимание еще на один теоретический аспект данного вопроса. Финансовый иммунитет арбитражного управляющего является одним из принципов законодательства о банкротстве. При этом соразмерное удовлетворение требований конкурсных кредиторов составляет его цель. Может ли один из неключевых принципов банкротства составлять конкуренцию единственной выде-

ленной законодателем, а потому и главной, цели банкротства? Утвердительный ответ в данном случае весьма сомнителен... Иной подход прямым образом противоречит как телеологическому толкованию законодательства о банкротстве, так и приемам формальной логики.

Таким образом, формирующаяся практика применения пункта 3 статьи 59 Закона о банкротстве в контексте изложенного, по нашему мнению, нуждается в коррекции или дополнительном обосновании сообразно представленным выше доводам. Видится не соответствующей основной цели банкротства выбранная отечественным законодателем и поддерживаемая правоприменителем «проарбитражно-управленческая» модель банкротного законодательства.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. №127-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
2. О порядке погашения расходов по делу о банкротстве: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 дек. 2009 г. №91 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 2.
3. См., напр., Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда №17АП-16989/2015(9)-АК от 27.12.2019 по делу №А50-20911/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Вся статистика приведена по итогам анализа результатов процедур банкротства юридических лиц за 2019 год. URL: <https://fedresurs.ru> (дата обращения 05.04.2020).

ЗАОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЕТЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Анализируются изменения в регулировании заочного производства, сопутствовавшие процессуальной реформе 2019 года. С положительной стороны характеризуется устранение законодателем части недостатков, отмечавшихся до этого в юридической литературе. В то же время, указано на отдельные не ликвидированные пробелы в правовом регулировании, сигнализирующие о неполноте осуществленной модернизации. Формулируется вывод о том, что несмотря на скептическую оценку сохранения заочного производства отдельными учеными – процессуалистами сам факт обращения законодателем внимания на данный вид искового производства свидетельствует об официальном признании перспектив его существования.

Ключевые слова: гражданский процесс, заочное производство, процессуальная реформа.

D. A. Fedyaev
Perm State University

TRIALS IN ABSENTIA IN THE LIGHT OF PROCEDURAL REFORM

The author refers to the analysis of changes in the regulation of trials in absentia made during the procedural reform in 2019. On the positive side, it is noted that the legislation eliminates some of the shortcomings that were previously noted in legal books. At the same time, some gaps in regulation that have not been eliminated signal incomplete modernization. In conclusion, it is formulated that despite the skeptical assessment of the preservation of trials in absentia, given by some academic experts in procedure, the fact that the legislation has paid attention to this type of action proceedings, indicates the official recognition of the prospects for its existence.

Keywords: civil process, trials in absentia, procedural reform.

Процессуальная реформа, имея известные глобальные ориентиры, вместе с тем, так или иначе попутно коснулась значительного количества институтов гражданского процессуального права, не являвшихся для нее приоритетными. Не стала исключением регламентирующая заочное производство глава 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), из одиннадцати статей которой Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ три оказались подвергнуты изменениям.

Прежде чем переходить к анализу состоявшихся нормативных изменений, не углубляясь ввиду формата данной работы в обсуждение противоположных точек зрения на вопрос о целесообразности существования заочного производства в цивилистическом процессе², отметим, что согласно официальной статистике заочное производство продолжает занимать значимое место в общем количестве рассмотренных судами дел. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2019 г. в порядке заочного производства было рассмотрено 657 346 из 3 334 026 дел искового характера (здесь и далее без учета рассмотренных в порядке упрощенного производства), что составляет 19,7 %³; в 2018 г. – 653 653 из 3 443 113 дел (18,98 %)⁴; в 2017 г. – 672 389 из 3 595 765 дел (18,69%)⁵.

Как видим, абсолютное количество дел, рассмотренных в порядке заочного производства, в течение последних лет остается примерно одинаковым. Их доля в общем числе дел искового производства также не претерпевает значительных изменений, сохраняясь достаточно весомой. Для сравнения, по тем же статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в порядке упрощенного производства в 2017–2020 гг. было рассмотрено, соответственно, всего: 126 795, 141 670 и 145 204 дел, соответственно. Однако более важными для оценки роли заочного производства и перспектив его сохранения являются низкие показатели отмены заочных решений вынесших их судом на основании статьи 242 ГПК РФ: в 2019 г. 39 687 заочных решений (немногим более 6 %); в 2018 г. – 35 470 (5,4 %); в 2017 г. – 37 521 (5,6 %) – что сопоставимо с процентом отмен судебных решений в апелляционном порядке.

Возвращаясь непосредственно к имевшим место изменениям, отметим, что в отношении статьи 235 «Содержание заочного решения суда» ГПК РФ поправки носят, скорее, редакционный характер. Существовавшая норма дополнена указанием на то, что к заочному решению применимы общие нормы, определяющие не только требования к содержанию решения суда (ст. 198 ГПК РФ), но и порядку его составления (ст. 199 ГПК РФ). Вероятно, законодатель, приняв во внимание склонность судейского корпуса к конкретным и точным формулировкам, счел, что это не следовало с достаточной очевидностью лишь из факта расположения главы 22 в подразделе II «Исковое производство» ГПК РФ. Тем самым устранен имевшийся нормативный пробел, поскольку, являясь одной из разновидностей решения суда, заочное решение подчиняется общим правилам его принятия и составления.

Более значимым содержательно правкам были подвергнуты статья 237 ГПК РФ, регулирующая вопросы обжалования заочного решения, и статья 244 ГПК РФ о вступлении заочного решения в законную силу.

Что касается нормы статьи 244 ГПК РФ, то ее корректировка видится вполне оправданной. Действительно, были необходимы разъяснения о вступлении за-

очного решения в законную силу не только в случае истечения срока обжалования, как это предусматривалось в предшествующей редакции статьи, но и при апелляционном обжаловании. Существовавший пробел устранен. Кроме того, абсолютно разумно статья дополнена частью второй, предусматривающей механизм приостановления исполнения заочного решения, если таковое уже началось к моменту подачи ответчиком заявления об отмене заочного решения. До этого приходилось прибегать к приостановлению исполнительного производства на основании статьи 437 ГПК РФ, что не совсем уместно и удобно.

Еще более существенно дополнена статья 237 ГПК РФ, в части второй которой законодатель уточнил способы апелляционного обжалования заочного решения участниками гражданского процесса, в зависимости от их процессуального положения, выделив порядок апелляционного обжалования для ответчика и для иных лиц, участвующих в деле. Полагаем разумным, что законодатель воздержался от звучавших в специальной литературе предложений предоставить истцу право обращения с заявлением об отмене заочного решения, сохранив это право только за ответчиком. В том нет отступления от принципа равноправия сторон, так как тем самым компенсируется вынужденное ограничение состязательности не в пользу ответчика ввиду невозможности его присутствия в судебном заседании по уважительным причинам и озвучивания своих возражений.

Вместе с тем, не можем согласиться с новеллой части 2 статьи 237 ГПК РФ, в силу которой ответчик прежде чем обжаловать заочное решение в апелляционном порядке обязан пройти процедуру обращения с заявлением об отмене заочного решения. Цель понятна – максимально сместить рассмотрение всех обстоятельств дела на уровень первой инстанции, разгрузив апелляцию. Однако новая редакция нормы не учитывает, что совсем не обязательно причины неявки ответчика в судебное заседание были уважительными. В таком случае обращение с заявлением об отмене заочного решения в силу статьи 242 ГПК РФ заведомо не имеет перспективы и только приведет к затягиванию судебного разбирательства, что как раз является одним из аргументов для критиков заочного производства.

Возможно, тем самым законодатель выражает свое заведомо негативное представление об ответчике, не явившемся в судебное заседание. Однако правильнее было бы исходить из презумпции добросовестности участников гражданского процесса; пусть этот принцип, в отличие от отрасли гражданского права, в гражданском процессе и не закреплен. Учитывая оправданную практическим представлением размытость критериев неуважительности причин неявки, сама по себе она не дает повод предполагать ответчика недобросовестным и не может служить основанием лишить ответчика, реализовавшего свое право не присутствовать в судебном заседании, особенно когда им были представлены

заблаговременно письменные возражения на иск, на последующее обжалование заочного решения, если оно оказалось ошибочным.

С обязательным, предшествующем апелляционному, обжалованием заочного решения в вынесший его суд можно было согласиться, если бы, как, например, в некоторых зарубежных моделях для отмены заочного решения признавалось достаточным представление существенных доказательств по разрешаемому делу, а причины неявки ответчика в судебное заседание не имели значения. В современных российских реалиях такой подход пока невозможен, так как станет стимулом для уклонения недобросовестных ответчиков от явки в судебное заседание и последующему представлению значимых доказательств по делу вместе с заявлением об отмене заочного решения, что явно не будет способствовать целям заочного производства.

Без фильтра в виде необходимости указания обстоятельств, свидетельствующих об уважительности причин неявки ответчика в судебное заседание, о которых он не имел возможности своевременно сообщить суду (п. 3 ст. 238 и ст. 242 ГПК РФ), заочное производство станет объектом для еще больших обоснованных нападков. В то же время в отсутствие уважительных причин неявки у ответчика должно сохраняться право апелляционного обжалования, разумеется, с предусмотренными частью 2 статьи 322 и частью 1 статьи 327.1 ГПК РФ ограничениями по представлению новых доказательств.

Проблема вряд ли носит надуманный характер, так как, не имея, по изложенным причинам перспектив отмены заочного решения вынесшим его судом, ответчик, тем не менее, вынужден тратить время на прохождение данной процедуры, вместо скорейшего инициирования апелляционного пересмотра. Солидаризируемся с Е. Г. Тришиной в том, что лишение ответчика права на апелляционное обжалование в случае, если он не подал заявление о его отмене, ограничивает его право на судебную защиту, поскольку основания отмены заочного решения по заявлению ответчика и в апелляционном порядке не тождественны⁶. Поэтому выразим суждение о целесообразности наделения ответчика правом апелляционного обжалования заочного решения независимо от предварительного пересмотра вынесшим его судом.

Развивая мысль, логично предположить, что в таком случае ответчику не имеет смысла ждать истечения семидневного срока обращения в суд с заявлением об отмене заочного решения, как это было предусмотрено предшествующей редакцией части 2 статьи 237 ГПК РФ. Возможные возражения насчет возникающей в связи с этим для иных участников процесса неопределенности относительно даты окончания срока апелляционного обжалования заочного решения могут быть опровергнуты тем, что и сейчас эти сроки оказываются достаточно расплывчатыми, будучи связанными либо с датой отказа в отмене заочного решения вынесшим его судом, либо днем вручения заочного решения ответчику.

Оцениваем позитивно, что законодателем не была воспринята предлагаемая некоторыми авторами идея исчислять срок обращения в суд с заявлением об отмене заочного решения не со дня получения его копии ответчиком, а с момента принятия решения в полном объеме⁷. Если исходить из предположения об уважительности причин неявки ответчика в судебное заседание, а в противном случае заявление об отмене заочного решения просто не может быть удовлетворено, следует допустить отступление от общих правил исчисления сроков для обжалования решения, дав ответчику соответствующую преференцию, как это сделано, например, в отношении судебного приказа (ст. 128 ГПК РФ).

Неопределенность для истца сроков вступления заочного решения в законную силу при недобросовестном уклонении ответчика от получения его копии продолжает оставаться источником основных нареканий в отношении института заочного производства в целом, что приводит к отмеченным выше предложениям исчислять сроки обжалования со дня вынесения заочного решения в окончательной форме. Гражданское процессуальное законодательство не содержит норм, аналогичных пунктам 1–3 части 4 статьи 123 АПК РФ, предусматривающих фикцию извещения участника арбитражного процесса, если адресат отказался от получения, не явился за получением копии судебного акта или отсутствует по указанному адресу. Однако серьезным подспорьем в этом вопросе стал пункт 68 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25⁸, дающий возможность применять к судебным извещениям правила части 1 статьи 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В настоящее время суды общей юрисдикции, опираясь на приведенное Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 и на более ранние разъяснения Верховного Суда РФ в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2015 г.⁹, исходят из предположения вручения ответчику копии заочного решения ответчику, даже не располагая доказательством того. Несмотря на то, что тем самым была снята значительная часть претензий к процедуре заочного производства не можем согласиться с предложенным Верховным Судом РФ в Обзоре от 26 июня 2015 г. механизмом: три дня на направление копии заочного решения ответчику плюс семь дней на подачу заявления об отмене заочного решения. Фактически легализуется *contra legem* исчисление срока обжалования с даты вынесения заочного решения, причем никак не учитывает время на почтовый пробег, который на практике может оказаться сопоставим с самим семидневным сроком обжалования. Вместе с тем, полагаем, в данном случае больше обнаруживается проблема недостаточной проработанности института судебных извещений в гражданском процессе, а не заочного производства, и поиск решения в модифицировании последнего вряд ли окажется эффективным.

Оказалась обойдена стороной обозначавшаяся многими авторами проблема перехода к заочному производству в случае процессуального соучастия на стороне истца. В специализированной литературе предлагались разные варианты ее решения¹⁰. В Государственную Думу Федерального Собрания РФ 15 декабря 2005 г. даже вносился соответствующий законопроект, который, правда, был снят с рассмотрения 17 апреля 2008 г.¹¹. Сложившаяся судебная практика исходит из того, что на рассмотрение в порядке заочного производства необходимо получить согласие всех соистцов. Во избежание неоднозначности толкования вполне уместно было бы внести соответствующее уточнение в часть 3 статьи 233 ГПК РФ.

Напротив, не видим особой процессуальной проблемы в сохраненной законодателем невозможности рассмотрения дела в порядке заочного производства в отсутствие истца, никак не обозначившего свою позицию на этот счет. Способом реагирования на такое пассивное поведения истца должно быть отложение судебного заседания согласно части 1 статьи 169 ГПК РФ, вплоть до оставления искового заявления без рассмотрения при повторной неявке на основании статьи 222 ГПК РФ. Да, ответчик несет в связи с этим некоторые процессуальные издержки, учитывая неявку его самого в судебное заседание, – минимальные, но сам по себе факт инициирования истцом судебного разбирательства их уже предполагает. Вопрос разумности присуждаемой компенсации издержек – это проблема правоприменительной практики, а не института заочного производства. Поэтому вряд ли есть действительно значимая процессуальная цель, чтобы усложнять регулирование, введением модели заочного производства в отношении истца, как это предлагает, в частности, И. В. Уткина¹².

Однако законодатель оставил за рамками внесенных изменений вопрос, как быть в той ситуации, когда надлежащим образом извещенный истец просит рассмотреть дело в его отсутствие и даже, более того, прямо выражает свое согласие на переход к заочному производству. Думается, что в данном вопросе следует прекратить заниматься толкованием права и исходя из принципа диспозитивности предоставить самому истцу возможность выбора варианта дальнейшего движения дела, внося соответствующие изменения в часть 3 статьи 233 ГПК РФ.

Учитывая, с одной стороны, уровень правовой грамотности некоторых участников гражданского судопроизводства, а с другой, значимость возможных невыгодных для истца последствий рассмотрения дела в порядке заочного производства, на наш взгляд, было бы также вполне уместным дополнить норму статьи 233 ГПК РФ указанием на обязанность суда разъяснять истцу последствия рассмотрения дела в порядке заочного производства, как это, например, предусмотрено частью 2 статьи 173 ГПК РФ для отказа от иска, признания иска или заключения мирового соглашения сторон. По факту суды такие разъясне-

ния в большинстве случаев дают по собственной инициативе в силу общей нормы статьи 165 ГПК РФ, но это не должно отдаваться на откуп судейскому усмотрению.

Резюмируя изложенное, выразим мнение, что обращение внимания законодателя к институту заочного производства свидетельствует о признании за ним перспективы, наряду с упрощенным и приказным производством, как это видели в 2014 году разработчики Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹³. Перенос заочного производства в арбитражный процесс будет излишним, но в административном судопроизводстве оно вполне может найти себе достойное место, до тех пор оставаясь особенностью гражданского процесса. Вместе с тем сохраняющиеся изъяны правового регулирования и пробелы оставляют широкое поле для дальнейшего законодательства в этом направлении.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 28 нояб. 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. См. например: Ярков В. В. Современные проблемы доступа к правосудию в Российской Федерации // СНГ: реформа гражданского процессуального права: материалы междунар. конф. М., 2002. С. 57; Интервью с М. К. Треушниковым, доктором юридических наук, заведующим кафедрой гражданского процесса юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, членом научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ // Законодательство. № 12. 2002; Гражданский процесс: учебник (5-е изд., перераб. и доп.) / под ред. проф. М. К. Треушникова. М.: Статут, 2014, С. 227; Гусев В. Г. Проблема извещения участников гражданского судопроизводства // Журнал российского права. 2003. № 8 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Зайцев И., Фокина М. Отрицательные факты в гражданских делах // Российская юстиция. 2000. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 28.04.2020).
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 28.04.2020).
5. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 28.04.2020).
6. Тришина Е. Г. К вопросу об обжаловании ответчиком заочного решения в свете принятия Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Сб. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рождения доктора юрид. наук, проф. И. М. Зайцева (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.) / под ред. О. В. Исаенковой: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов, 2017. С. 373.
7. См., например: Уткина И. В. Заочное решение в гражданском процессе. М., 2003. С. 174; Макаров А.

- О сроках вступления заочного решения в законную силу // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 53.
8. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2015): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015. Вопрос 14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 10. См. например: Черных И. И. Заочное производство в гражданском процессе. М., 2000. С. 50; Жуйков В. М. Проблемы гражданского процессуального права. М., 2001. С. 14; Уткина И. В. Указ. соч. С. 138–139.
 11. О внесении изменений в статьи 233 и 237 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: проект Федерального закона № 249564-4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 12. Уткина И. В. Указ. соч. С. 119–131.
 13. См. Вступительное слово П. В. Крашенинникова к Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. А. Францева
студент, ПГНИУ
Научный руководитель: Н. В. Сыропятова

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ЗАЕМЩИКА – ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

В настоящее время для российского банковского сектора наиболее существенным является кредитный риск, поэтому оценка кредитоспособности заемщика является одним из способов, позволяющих защитить постоянный рост кредитных портфелей банков от увеличения риска невозвратности. При оценке кредитного риска важное значение имеет наличие в кредитной организации системы подходов к анализу кредитоспособности заемщика и соответствующих оценок кредитоспособности. В статье рассматривается правовое значение оценки кредитоспособности и проблемы, возникающие при ее осуществлении.

Ключевые слова: кредит, кредитный договор, оценка кредитоспособности, финансовое положение, заемщик – физическое лицо.

A. A. Frantseva
Student, Perm State University
Supervisor: N. V. Syropiatova

TO THE QUESTION ABOUT CREDIT RATING THE BORROWER – THE PHYSICAL PERSON

Currently, credit risk is the most significant for the Russian banking sector, so assessing the creditworthiness of the borrower is one of the ways to protect the constant growth of banks' loan portfolios from increasing the risk of non-repayment. When assessing credit risk, it is important that a credit institution has a system of approaches to analyzing the borrower's creditworthiness and corresponding credit ratings. The article deals with the legal significance of credit assessment and the problems that arise in its implementation.

Keywords: credit, credit agreement, credit rating, financial position, borrower – the physical person.

Кредитные организации (банки) занимают лидирующее место на финансовом рынке России. В марте 2020 г. российские банки выдали кредиты населению на 920,6 млрд руб., это следует из предварительных данных мониторинга рынка розничных банковских услуг Frank RG¹. Данные цифры подтверждают популярность кредитования среди граждан. С учетом финансово-экономических реалий кредитный договор опосредует наиболее востребованный вид заемных отношений².

Кредит обеспечивает интересы не только заемщиков, но и банков, так как является одним из самых прибыльных их активов, позволяющих получить наибольший объем прибыли за известные сроки. Тем самым обеспечивается выполнение одной из основных целей банков – максимальное получение прибыли при реализации своих продуктов на рынке финансовых услуг. Каждый без исключения банк, создавая и предлагая на рынке новые услуги в сфере кредитования, старается не просто привлечь клиента, но и одновременно с этим обезопасить себя в будущем от проблем, связанных с невозвратом предоставленных заемщику – физическому лицу денежных средств.

Анализ кредитоспособности заемщика прослеживается на всех этапах кредитного процесса, однако важную роль играет первичный анализ, который позволяет на стадии рассмотрения кредитной заявки исследовать все характеристики заемщика для дальнейшего принятия решения³. Именно анализ финансового положения заемщика и история его кредитных отношений, если такая была ранее, имеют весомое значение при принятии решения об одобрении заявки на кредит или отказе в выдаче кредита. Это позволяет своевременно оценить внешние и внутренние факторы, влияющие на появление рисков в виде финансовых потерь и убытков со стороны банка при предоставлении кредита конкретному лицу. Также стоит отметить, что результат оценки кредитоспособности заемщика влияет не только на решение о заключении договора, но и на его условия в случае одобрения кредитной заявки. В частности, речь идет о тех ситуациях, когда банк подстраховывает себя на случай возникновения обстоятельств, способных причинить вред его финансовому положению, например, с заключая договор поручительства, который является одним из способов обеспечения исполнения обязательства заемщика перед банком – кредитором.

Положением Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П (ред. от 16.10.2019)⁴ был утвержден порядок формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности. Вместе с порядком формирования резервов законодателем был предложен примерный перечень информации, необходимой для анализа финансового положения заемщика – физического лица. Перечень имеет неисчерпывающий характер и содержит два основных положения:

- 1) заверенные работодателем справка с места работы и справка о доходах физического лица;
- 2) иные документы, подтверждающие доходы физического лица.

Помимо указанных источников информации кредитным организациям не запрещено в целях анализа их финансового положения, использовать информацию бюро кредитных историй и (или) Центрального каталога кредитных историй, информацию официальных общедоступных информационных ресурсов (официальных сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет») Вер-

ховного Суда Российской Федерации, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной налоговой службы, Пенсионного фонда Российской Федерации, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Единого федерального реестра сведений о банкротстве, Федеральной нотариальной палаты. В отношении заемщиков – юридических лиц перечень документов существенно отличается по количеству.

Наличие широких возможностей у банков, как профессиональных участников кредитного рынка, для проверки платежеспособности потенциального клиента подтверждает и Верховный суд. В обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019)⁵ внимание стоит обратить на разработку банком стандартных форм кредитных анкет-заявок для заполнения их потенциальным заемщиком на стадии обращения в кредитную организацию с указанием сведений о его имущественном и социальном положении, ликвидности предлагаемого обеспечения и т.п., а также проверки представленного им необходимого для получения кредита пакета документов.

Бывает и такое, что в кредитной организации не разработаны количественные методы оценки вероятности невозврата кредита для каждого конкретного заемщика. В таком случае распределение заемщиков по классам кредитоспособности может базироваться на экспертном суждении специалистов аналитических подразделений кредитной организации⁶. Но для принятия экспертного суждения требуется намного больше времени, чем оценка с помощью готовых алгоритмов, разработанных для определенного метода оценки кредитоспособности заемщика – физического лица.

Поэтому банки, основываясь на своей внутренней политике, разрабатывают собственный метод оценки кредитоспособности, так как существующие модели оценки носят универсальный характер и не учитывают специфику определенной кредитной организации. Такая информация приравнивается к коммерческой тайне и не подлежит разглашению, за исключением случаев, предусмотренных законом. Например, таким исключением является обязанность кредитной организации раскрыть информацию о кредитной политике (правилах, процедурах, методиках), которая применяется при классификации ссуд и формировании резерва по соответствующим типам и видам ссуд, включая отраслевые, территориальные и иные аспекты, а также по портфелям однородных ссуд, в составе отчетности, представляемую в соответствии с требованиями нормативных актов Банка России. Собственные методы банка для анализа финансового положения заемщика должны обеспечивать объективную оценку.

Для оптимизации времени обработки заявки и предоставления по ней ответа банки стали применять различные системы оценки кредитоспособности: для небольших сумм, предоставляемых на короткий промежуток времени, используются автоматизированные алгоритмы анализа положения заемщика, раз-

рабатываемый банком самостоятельно, а для долгосрочных кредитов и (или) кредитов на большие суммы к анализу подключаются специалисты-аналитики, использующие процедуру андеррайтинга. Под которой понимается оценка рисков кредитования потенциального заёмщика и присвоение ему кредитного рейтинга, который определяется вероятностью невозврата кредита и (или) недобросовестного исполнения заёмщиком обязательств, взятых на себя в рамках кредитного договора.

В банковской сфере широко используется две модели оценки кредитоспособности физических лиц. К ним относят:

1) модель комплексного анализа – анализ качественных и количественных показателей заемщика в конкретном финансовом положении;

2) модель скоринговой оценки – основанная на методах тестирования автоматизированная система оценивания кредитоспособности, позволяющая определить балл кредитоспособности лица.

Данные модели носят экономический характер и имеют непосредственную связь с правом. К сожалению, на сегодняшний день правовое регулирование порядка оценки кредитоспособности является недостаточным, что порождает ряд проблем не только у банков, но и заемщиков.

Во-первых, проблемы возникают из-за неактуальности данных, содержащихся в кредитных историях и бюро кредитных историй в отношении конкретного лица. Это связано с тем, что кредитование в России зародилось относительно недавно, поэтому некоторые механизмы еще не имеют четко отлаженной работы, в частности это относится к предоставлению и обработке сведений Бюро кредитных историй и, соответственно, сохранение актуальности данных о заемщиках. Во-вторых, необходимость быстрого ответа по кредитной заявке не позволяет провести оценку кредитоспособности по нескольким методам для получения наиболее достоверного результата. А собственные системы проверки платежеспособности заемщика на основе одного из возможных методов не всегда можно назвать идеальными. В-третьих, некоторые проблемы связаны с расчетом суммы резервных денежных средств. Поскольку при увеличении просроченной задолженности банкам придется увеличивать и размер резервного фонда, который должны создавать все кредитные организации в соответствии с Положением Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П. Нередки случаи, когда банк искусственно завышал качество кредита, другими словами, его рейтинг, чтобы снизить сумму, подлежащую включению в резерв. В-четвертых, отсутствует какой-либо правовой акт, устанавливающий основы правового регулирования процедуры оценки кредитоспособности. С одной стороны, банкам предоставлена возможность выбора любой методики оценки финансового положения заемщика и возможных сопутствующих выдаче кредита рисков. С другой стороны, такие методики, за некоторым исключением, в основном регулируются законами и прин-

ципами экономики. Оценка кредитоспособности – не только экономическое явление, но и, как уже говорилось ранее, имеет тесную связь с правом, поэтому есть необходимость более детального регулирования на законодательном уровне.

Существующие модели оценки кредитоспособности банков имеют некоторые недочеты, которые в большинстве своем не позволяют объективно оценить реальный уровень кредитоспособности лица. В первую очередь, это связано с тем, что кредитные организации используют методы, недостаточно урегулированные правом. Банк России ожидает, что традиционные услуги по предоставлению кредитных отчетов и скоринговых оценок будут дополняться внедрением в практику работы Бюро кредитных историй альтернативных источников данных и моделей оценки заемщиков, включая поведенческий скоринг на основе данных социальных сетей и иных доступных и легальных источников данных, а также применением методов анализа больших данных (Big Data) для повышения качества оценки кредитоспособности и платежной дисциплины потенциальных заемщиков⁷, а также уменьшения объема работы кредитных организаций с документами клиентов, предоставленных для оценки финансового положения.

Литература

1. Российские банки в марте выдали рекордный объем кредитов населению. URL: <https://www.rbc.ru/finances/13/04/2020/5e948b559a7947c5084c22e7> <https://www.rbc.ru/finances/13/04/2020/5e948b559a7947c5084c22e7> (дата обращения 02.05.2020).
2. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2019. С. 557.
3. Пашаева С.С. Проблемы оценки кредитоспособности заемщиков российскими банками // Электронный научный журнал «Дневник науки» № 2. 2020. С. 67–69.
4. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности: положение Банка России от 28.06.2017 № 590-П (ред. от 16.10.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. «Подходы к организации стресс-тестирования в кредитных организациях» (утв. Банком России). 2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов (разработаны Банком России) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О. В. Чагаева
студент, ПГНИУ
Научный руководитель: В. В. Акинфиева

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ УЧЕНЫХ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Рассматривается историческое развитие взглядов ученых на возникновение понятия электронных доказательств. Авторы часто отождествляют понятия «электронный документ» и «электронное доказательство». Исследователи выделяют различные критерии, которые характеризуют электронные доказательства, у них на данный момент нет единого мнения о том, какими признаками должно обладать электронное доказательство и какова его правовая природа.

Ключевые слова: гражданский процесс, электронное доказательство, машинный документ, письменное доказательство.

O. V. Chagaeva
Master student, Perm State University
Supervisor: V. V. Akinfieva

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE VIEWS OF SCIENTISTS ON THE ORIGIN OF ELECTRONIC EVIDENCE IN THE CIVIL PROCESS OF RUSSIA

The historical development of the views of scientists on the emergence of the concept of electronic evidence is considered. Authors often identify the concept of electronic document and electronic evidence. Researchers identify various criteria that characterize electronic evidence. Scientists at the moment do not have a consensus on what features electronic evidence should possess and what its legal nature is.

Keywords: civil process, electronic evidence, machine document, written evidence.

Сложно найти определенные четкие закономерности развития института письменных доказательств и выделение из этого института электронных доказательств, но в большинстве случаев именно форма правления влияла на проведение гражданского процесса, роли суда в таком процессе, поэтому некоторые исследователи начали активно проводить научную работу с 70-х гг. XX в., когда началось постепенное автоматизирование систем, используемых как на стадии досудебного судопроизводства, так и в судебном процессе.

Близким по смыслу к понятию письменных доказательств можно отнести термин документ. Е. Н. Филенко пишет о том, что изначально понятие «документ» отождествлялся с письменной формой¹³. Автор находит предпосылку возникновения электронных доказательств с появлением компьютером, компьютер-

ных сетей, более совершенного программного обеспечения, это и стало, по ее мнению, возможностью к переходу на «безбумажное» делопроизводство. Она считает, что именно с 1970-х гг. в СССР с внедрением автоматизированных систем электронного хозяйства появился термин «электронный документ». Такие документы имели свои специфические особенности и поэтому, даже в настоящее время, сложно найти единое мнение ученых о понятии электронного документа.

М. К. Треушников отмечает важную роль Конституции РФ, которая закрепила положение о состязательности судопроизводства и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123). Также автор отмечает реформационное значение в сфере доказывания и письменных доказательств Федерального закона от 30 ноября 1995г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР». В случае уклонения стороны от прохождения экспертизы¹⁰.

Многие ученые отмечают, что именно с этого периода начинается повышенное внимание к письменным доказательствам, а в частности, к электронным (изначально, машинным документам). До 70-х гг. XX в. Больше внимание уделялось вещественным доказательствам в уголовном, а не в гражданском процессе.

В России первое упоминание об электронных доказательствах как о самостоятельном источнике доказательств сделал криминалист В. К. Лисиченко в уголовном процессе в 1973 г. В своей докторской диссертации «Криминалистическое исследование документов» он делает вывод, что повсеместное внедрение вычислительной техники создает почву для того, чтобы сведения о фактах и практической деятельности людей, закрепленные машинными знаками признавались в науке и в праве самостоятельной разновидностью документов⁶.

Впервые термин, схожий с термином «электронный документ» в гражданском процессе использует Э. Мурадьян в 1975 году термин машинное доказательство⁷.

А. И. Королев сравнивает прошлые и настоящие государственно-правовые формы и учитывает исторический опыт государства в использовании письменных доказательств и к начальному этапу перехода к машинным документам⁴.

С. В. Одышев считает, что нормы гражданского процесса, относящиеся к письменным доказательствам, могут применимы также и к электронным документам⁸. Автор пишет о том, что электронные доказательства отвечают признакам письменных доказательств. Текст электронного документа можно вывести на экран компьютера, огласить и предъявить участникам гражданского процесса, также как и письменный материал, зафиксированный на бумажном носителе.

М. В. Горелов также придерживается мнения, что на данный момент существует тенденция усиления влияния научно-технического прогресса на гражданский процесс³. В ГПК РФ расширен перечень средств доказывания, например, в нем закреплены статьи о звуко- и видеозаписи. Автор считает, что в процессуальном законодательстве России электронные документы следует выделить в ка-

честве самостоятельных средств доказывания, не признает единой формы письменных и электронных доказательств.

А. К. Сергун отмечает сложность в понимании разных категорий судебных доказательств, в том числе и электронных. Он обосновал это тем, что существуют трудности с представленным письменным документом, которые предъявила сторона по делу¹¹. А. К. Сергун не относит электронные доказательства к отдельному виду и одними из главных доказательств все еще считает письменные и вещественные.

Идеи о судебных доказательствах как единстве фактических данных, выраженных в предусмотренной законом процессуальной форме, высказаны в работах А. Г. Калпина⁵.

А. И. Трусов отмечает, что гражданский процессуальный закон строго регламентирует форму письменных доказательств. Сведения о фактах, полученные в иной, не предусмотренной законом процессуальной форме, не являются письменными судебными доказательствами¹².

В. Хургин в своих исследованиях старается выявить закономерность развития понятия машинный документ и переходу к понятию электронный документ. Изначально под машинным документом понимали «документ, информация которого выражена кодом, а поиск и выдача ее осуществляется только машиной», затем «документ, пригодный для автоматического считывания содержащейся в нем информации». Далее – документ, созданный с использованием носителей и способов записи, обеспечивающих обработку его информации электронно-вычислительной машиной.

Все более широкое внедрение технических средств в быт людей, развитие компьютерных технологий, цифровизация юридической профессии во всех сферах судопроизводства укрепляет мнение, что многие факты действительности можно зафиксировать с помощью аудиозаписей, видеозаписей и других средств, причем порой этим средствам придается характер наиболее «сильных» достоверных доказательств – электронных доказательств. Со временем люди в качестве средства общения люди стали использовать звуковое письмо (в настоящее время – аудиозапись). Для фиксации фактов постепенно стали применяться документы машинной обработки, данные электронно-вычислительных машин и их систем.

А. Т. Боннер высказывает мнение о том, что машинные документы, как и иные современные средства информации, обладают существенной спецификой, которая должна быть отражена в материальном и процессуальном законодательстве. Он считает, что машинные документы нельзя по умолчанию приравнивать к традиционным письменным доказательствам¹.

Н. А. Чечина высказывала сомнения в целесообразности использования в суде магнитофонных записей, из-за возможности противоречия их содержания нормам морали¹⁴. В юридической литературе было высказано суждение, что не

предусмотренные в законе в качестве доказательств новые средства информации могут быть использованы в качестве доказательств на основе применения аналогии права⁹.

В. Г. Голубцов считает, что нельзя упустить и аргумент исторический. В своей истории процессуальная наука уже сталкивалась с проблемой отражения «специфических» разновидностей доказательств, обусловленных научно-техническим прогрессом (на тот момент – языка электронно-вычислительных машин), в праве – в 1972 году. Первоначально взгляды ученых разнились примерно по тому же алгоритму, что и сегодня. Законодатель же однозначно отнес этот вид доказательств к письменным. К 1995 г. в науке утвердился взгляд о том, что «все современные носители информации могут быть классифицированы в рамках уже известных законодательству средств»².

Научное изучение института доказательств имеет продолжительную историю. Первые серьезные научные исследования, касающиеся изучения данного института появились только в начале XIX века и проводятся до настоящего времени. Большой вклад в развитие данного института внесли советские ученые, которые начали с изучения машинных документов, которые со временем преобразовались в электронные доказательства.

В зависимости от формы правления в государстве и от законов, принятых в нем, использовались доказательства в судебных процессах.

Закономерностью развития института письменных доказательств и, как следствие этого, выделения электронных доказательств можно отметить научно-технический прогресс, использование сети Интернет, появление новых компьютерных технологий. Термину «электронные доказательства» предшествовал термин «машинные доказательства», который впервые использовался ученым-криминалистом В. Н. Лисиченко в диссертации в 1973 году. Затем Э. Мурадьян использовал термин «машинные доказательства» в 1975 году уже в гражданском процессе.

Электронные доказательства, по мнению некоторых исследователей, имеют свои специфические особенности, которые отражают их сущность и отличают от письменных доказательств.

Литература

1. Боннер А. Т. Правило допустимости доказательств в гражданском процессе: необходимость или анахронизм? // Советское государство и право. 1990. № 2(10). С. 30.
2. Голубцов В. Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2019. С. 383.
3. Горелов М. В. Сравнительная характеристика правовой природы электронных документов как доказательств в гражданском процессуальном законодательстве России и Германии // Известия высших учебных заведений, правоведение. № 4(255). 2004. С. 149–152.
4. Историческое и логическое в познании государства и права / под ред. А. И. Королева. Л.: ЛГУ, 1988. С. 23.

5. Калпин А. Г. Письменные доказательства в судебной практике по гражданским делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1966. С. 6.
6. Лисиченко В. К. Криминалистическое исследование документов (правовые и методологические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1973. С. 49–56.
7. Мурадян Э. Машинный документ как доказательство в гражданском процессе // Советская юстиция. 1975. № 22. С. 112.
8. Одышев С. В. Некоторые вопросы использования электронных документов в качестве судебных доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Изд-во Томского ун-та. 2000. С. 158–162.
9. Прохоров А. Г. Принцип допустимости средств доказывания в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 16–17.
10. Путь к закону: исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ / под ред. Треушникова М.К. М.: Городец, 2004. С. 23.
11. Сергун А. К. Судебные доказательства // Гражданское процессуальное право России: учебник / под ред. М.С. Шакарян. М., 1996. С. 146–147.
12. Трусов А. И. А. Ф. Кони и проблемы судебного доказывания// Правовые воззрения А. Ф. Кони и современность. М., 1994. С. 39.
13. Филенко Е. Н. Развитие понятия «документ» с внедрением новых информационных технологий // Вестник РГУ. № 8. 2008. С. 269.
14. Чечина Н. А. Нормы советского гражданского процессуального права и нормы морали// Правоведение. 1970. № 2(5). С. 73–74.

Р. В. Чикулаев
к.ю.н., к.э.н., доцент
ПГНИУ,
ПГАТУ им. акад. Д. Н. Прянишникова

ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ ОПЦИОНА В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТАХ

Раскрывается генезис и содержание правовой конструкции опциона эмитента как ценной бумаги. Анализируются основные проблемы правового регулирования выпуска и обращения опционов эмитента в системе гражданского оборота финансовых инструментов. Устанавливаются системные противоречия, связанные с реализацией гражданских прав, закрепляемых финансовыми инструментами опционного типа.

Ключевые слова: опцион эмитента, ценная бумага, финансовый инструмент, правовая конструкция.

R. V. Chikulaev
Perm State University
Perm State Agro-Technological University
named after academician D. N. Pryanishnikov

LEGAL CONSTRUCTION OF AN OPTION IN THE MODERN FINANCIAL INSTRUMENTS LEGISLATION

The Genesis and content of the legal construction of the Issuer's option as a security are disclosed. The main problems of legal regulation of the issue and circulation of Issuer's options in the system of civil financial instruments turnover are analyzed. There are systemic contradictions related to the implementation of civil rights secured by option-type financial instruments.

Keywords: Issuer's option, security, financial instrument, legal construction.

Современное российское право восприняло общее дефинитивное понятие «опцион» (лат. *optio* – вариант, выбор по желанию, усмотрению) с началом рыночных преобразований в экономике, обусловивших обновление нормативной базы. Изначально «опцион» упоминался в актах подзаконного характера, регулирующих преимущественно отношения на формирующемся фондовом рынке России. Так Постановлением «Об опционном свидетельстве, его применении и утверждении стандартов эмиссии опционных свидетельств и их проспектов эмиссии» предусматривалось, что опционное свидетельство относится к числу ценных бумаг. При этом определялся вид (именная ценная бумага), а также форма: как документарная, так и бездокументарная. Права владельца ценной бумаги

соответственно могли закрепляться в зависимости от формы либо в сертификате, либо в решении о выпуске. Правом, удостоверяемым опционным свидетельством, определялось исключительно: право владельца либо на покупку, либо на продажу ценных бумаг, эмитированных самим эмитентом опционного свидетельства, либо эмитированных другими эмитентами (названных в правовом акте третьими лицами). Соответственно выделялись две разновидности опционного свидетельства: на покупку и на продажу.

Вышеуказанный нормативный акт был отменен в 2003 г., в связи с углублением общей упорядоченности рынка ценных бумаг. Действительно, анализ нормативной основы и правового режима упомянутого «опционного свидетельства» приводит к мысли о его, в целом, нелегитимности. Прежде всего, такая ценная бумага не была предусмотрена федеральным законом, а использование в качестве метода ее легитимизации нормы статьи 143 прежней редакции ГК РФ о возможности отнести к числу ценных бумаг иные документы, прямо не указанные в т. н. «законах о ценных бумагах», но «в установленном ими порядке», в данном случае видится неверным и основанным на излишне расширительном толковании нормы ГК РФ. Легитимизация опционного свидетельства правовым актом ФКЦБ РФ может послужить хорошим примером отстаиваемой нами т. зр. о том, что и упомянутая норма ГК РФ (в редакции, действовавшей до 2013 г.) имела характер в той же степени неверно применяемой, в какой и неудачной. Действительно, упоминание «законов о ценных бумагах» оставляло широкие возможности уже только для самого истолкования того, что относить к таким законам. Сам по себе юридический порядок такового «отнесения» неких документов к числу ценных бумаг, строго говоря, также определен не был: отсутствовали указание на орган, имеющий такие полномочия, четкая процедура оформления такого «порождения» новой ценной бумаги, обязательные параметры ценных бумаг, конституируемых путем «отнесения», а не указания в законе.

В Постановлении ФКЦБ РФ об опционном свидетельстве в качестве правовой основы содержались указания на нормы статей 20, 42, 44 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», однако из соответствующих норм не следовала возможность установления новых разновидностей ценных бумаг. Норма пункта 2 статьи 44 прежней редакции закона о праве федерального органа «квалифицировать ценные бумаги и определять их виды в соответствии с законодательством Российской Федерации», на наш взгляд, о таком правомочии не свидетельствовала.

В Постановлении ФКЦБ РФ также не были указаны разновидности тех ценных бумаг, которые могли служить базисным активом для выпуска опционного свидетельства. Исходя из общего содержания и смысла правоотношений можем предположить, что таковыми «первичными» ценными бумагами могли быть лишь эмиссионные, выпускаемые как самим эмитентом опционного свидетельства,

совпадающим с эмитентом базисного актива, так и иными эмитентами. Тем самым, разновидности таковых ценных бумаг, служащих базисным активом, могли быть представлены лишь акциями или облигациями.

Весьма характерно, что, пожалуй, впервые, в нормативном правовом акте была указана особая классификационная характеристика финансового инструмента как производного, а именно, прямо предусматривалось, что «опционное свидетельство является производной ценной бумагой». К сожалению, в дальнейшем законодателем не был воспринят принцип классификации ценных бумаг на первичные (базовые) и производные с соответствующим нормативным закреплением, а признак вторичности был закреплен лишь за производными финансовыми инструментами, в том числе в их названии.

Еще одной важной особенностью, вновь обращающей нас к проблеме обеспеченности финансовых инструментов реальными активами, было условие об обязательности обеспечения, предоставленного эмитенту опционных свидетельств для целей их выпуска третьими лицами, либо под залог определенного имущества самого эмитента опционных свидетельств. Широкого распространения на фондовом рынке на соответствующем этапе его развития опционное свидетельство не получило. Скорее, можно говорить о появлении и развитии в период с конца 1990-х гг. в сфере организованной, в т.ч. биржевой торговли, в основном в рамках Российской торговой системы и Московской межбанковской валютной биржи, новых финансовых инструментов, занимавших некое промежуточное место между легитимизированными и дефинированными в законе, и существующими вне рамок правового поля.

В качестве таковых можно назвать различные прообразы производных финансовых инструментов (контрактов), которые стали объектом не гражданского, а налогового законодательства. Такая ситуация вполне объяснима с позиций меньшей степени традиционности и консерватизма (отнюдь не обязательно в негативном значении) налогового права, призванного оперативно реагировать на изменение экономической обстановки и устанавливать объекты налогообложения даже в случае, если таковые пока не определены в качестве объектов гражданских прав или иных цивилистических конструкций, включая договорные.

Так прежний Закон РФ «О налоге на прибыль предприятий и организаций», в частности в ст. 2, определял прибыль (убытки) от реализации ценных бумаг, фьючерсных и опционных контрактов как разницу между ценой реализации и ценой приобретения с учетом оплаты услуг по их приобретению и реализации. Тем самым, на уровне федерального закона, как минимум такие финансовые инструменты как фьючерсные и опционные контракты не только признавались легально существующими, но на них распространялся режим ценных бумаг. Мы исходим из принципа единства правовой и законодательной системы страны и убеждены в необходимости признания равного значения нормативных актов

одного уровня (в рассматриваемом случае – федеральных законов) при определении объектов правоотношений. Один и тот же объект, определяемый актами налогового и гражданского (предпринимательского) законодательства, может по-разному наблюдаться в конкретных связанных с ним правоотношениях, с особенностями правоприменительного характера, вызванными специальными правоприменительными порядками. Однако сущностные юридические характеристики объекта при этом изменяться не должны вне зависимости от отраслевой принадлежности регулирующего источника, а при наличии противоречий, такие должны устраняться путем внесения изменений в закон. Позднее, в 2000-х гг. наблюдалась сходная ситуация, когда, будучи уже принятым в качестве единого налогового закона страны, Налоговый кодекс РФ периодически устанавливал нормы о новых финансовых инструментах и лишь позднее понятия соответствующих инструментов вводились в акты гражданского и предпринимательского законодательства, подзаконные акты о ценных бумагах и финансовых рынках.

В дальнейшем развитие категории опциона как объекта правового конструирования происходило по двум основным направлениям: как ценной бумаги (производной по характеру, но не названной таковой в законе) и как прямо закрепленного в позитивном праве производного финансового инструмента.

Можно признать, что своего рода результатом и развитием более раннего и не вполне удачного опыта правовой регламентации опционного свидетельства стало введение в закон в 2002 г. новой ценной бумаги – опциона эмитента. Нормы об опционе эмитента с момента их закрепления в действующем ФЗ «О рынке ценных бумаг» проявили стабильность, не подвергнувшись никаким изменениям, в той же степени, в какой оказались мало востребованными в практике финансового рынка. Нормы формализованы методом разделения на общие (определение опциона эмитента как ценной бумаги в числе других ключевых понятий в ст. 2 закона) и специальные (установление специальных правил при эмиссии рассматриваемой ценной бумаги в ст. 27.1. закона). Способ дисперсного распределения норм об одних и тех же финансовых инструментах по одному или нескольким источникам довольно характерен для действующего законодательства и не представляется удачным, уступая в своем юридико-техническом качестве такому способу, при котором все элементы правового режима одного финансового инструмента позитивно закреплялись бы в одном нормативном акте и в едином нормативном блоке внутри такого акта.

Диспозиция нормы, определяющей опцион эмитента, традиционно построена методом указания на право, закрепляемое ценной бумагой. Вместе с тем, само прав выглядит не столь традиционным, поскольку не вписывается в представления об «обязательственных и иных правах», предусмотренных статьей 142 действующей редакции ГК РФ, равно как об «имущественных правах» в редакции ГК РФ, действовавшей до 2013 г. и в т.ч. на момент принятия норм об

опционе эмитента, равно как об «имущественных и неимущественных правах», на которые указывает подпункт 1 пункта 1 статьи 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг». Определенное как «право купить в будущем» скорее выступает разновидностью правомочия стороны в гражданском обязательстве, безусловно основано на материальном, т. е. имущественном интересе и предполагает корреспондирующее обязательство иной стороны (сторон) правоотношения удовлетворить требования правообладателя. Опцион эмитента, по существу, является перечнем условий обязательства о продаже акций этого же эмитента (но не иных лиц как в случае с опционным свидетельством), включающих:

- срок, в который обязательство продажи должно быть исполнено (очевидно, по правилам исчисления сроков, предусмотренных статьями 190–194 ГК РФ), либо:

- иные обстоятельства, при которых обязательство продажи должно быть исполнено (очевидно, таковым может быть событие, которое неизбежно должно наступить по правилам ст. 190 ГК РФ), либо:

- прямое указание на то, что обязательство продажи должно быть исполнено при одновременном наступлении обоих фактов (и срока и особого обстоятельства);

- количество акций эмитента методом твердого указания в единицах измерения исчислимых предметов (штуках);

- цена, по которой будут проданы такие акции методом твердого указания в денежном измерителе в национальной валюте (рублях или рублях и копейках).

Стоит отметить, что предметом опциона могут быть только акции (а не иные ценные бумаги) и только акционерного общества, эмитировавшего сам опцион.

Специальным условием является соответствие правил размещения опциона эмитента правилам размещения ценных бумаг, конвертируемых в акции, установленным иными федеральными законами. Нормы ФЗ «О рынке ценных бумаг» не раскрывают таковых правил и, тем самым в неконкретизированной форме отсылают к нормам иных актов законодательства. В качестве таких норм видятся нормы статей 37–41, а также иные взаимосвязанные по смыслу нормы ФЗ «Об акционерных обществах». Проблему составляет то, что такие нормы по своему содержанию ориентированы на конвертацию акций одних типов (категорий) в другие, либо на конвертацию облигаций в акции (в то время как допускаемый законом сам институт такой конвертации представляется довольно спорным) и не предполагают случая выпуска опционов эмитента с последующей «квазиконвертацией» такого опциона в акции. Из числа специальных правил акционерного законодательства, которые могут быть применены к размещению опционов эмитента, усматриваются правила о преимущественном праве покупки, о цене размещения, о способе размещения (открытая или закрыта подписка для публичного общества, закрытая – для непубличного), об обяза-

тельности полной оплаты уставного капитала общества к моменту размещения ценных бумаг.

Пожалуй, центральным правилом размещения опционов эмитента, строго соответствующим нормам акционерного законодательства о размещении иных ценных бумаг, конвертируемых в акции, можно было бы признать требование необходимого числа дополнительных (неразмещенных) акций акционерного общества, достаточных для того случая, если возникнут основания для конвертации. Однако это правило уже учтено в статье 27.1. ФЗ «О рынке ценных бумаг» в виде запрета на размещение опционов эмитента на количество акций сверх числа объявленных акций, понятие которых тождественно понятию дополнительных акций (что в очередной раз указывает на проблему дуализма понятий и дублированного умножения сущности одного и того же предмета).

Также стоит указать на важные ограничительные меры, установленные этой же нормой закона. Это: 1) пятипроцентный барьер количества акций, на которые выпущены опционы эмитента, от общего числа уже размещенных акций (соответствующей категории (типа)), 2) возможность установить некие, причем никак не описанные, а потому не лимитированные никакими рамками закона «ограничения на обращение» опционов эмитента в самом решении об их выпуске. И если первая мера представляется в целом рациональной и порождающей лишь вопрос о достоверности арифметического исчисления запретительного барьера в аспекте соответствия рыночным потребностям (к примеру, почему не более и не менее пяти процентов), то вторая мера вступает в противоречие с принципами свободы отношений на финансовом рынке да и свободы гражданского оборота в целом. Действительно, оборот финансовых инструментов может быть ограничен в необходимых случаях, но инициативная роль в этом механизме должна принадлежать скорее законодателю, чем оригинатору финансового инструмента. К тому же ни законом, ни подзаконным актом не определены рамки такого ограничения и теоретически эмитент опциона может воспретить в своем решении отчуждение этой ценной бумаги, например, конкретным гражданам или организациям, совершение отдельных сделок с опционом (к примеру залога, дарения), установить требования к форме сделок (к примеру, нотариальная) и т. п. Понятно, что такие ограничения могут быть сведены к абсурдным, к примеру, запрет продать опцион Ивану Ивановичу, не совершать сделок по субботам и т. п. Сам факт возможности таких ограничений замечен в специальной литературе, но вопрос о границах, свойстве, порядке применения и в общем-то о легитимности ограничений оборота ценной бумаги по инициативе эмитента остается открытым.

Высшим арбитражным судом РФ была выражена позиция, согласно которой не может считаться законной конвертация, приводящая к увеличению прав одних акционеров (без изменения их имущественного вклада) с одновременным

уменьшением прав других акционеров, обладающих большим имущественным вкладом, поскольку это будет свидетельствовать о нарушении «основополагающего принципа акционерного общества, согласно которому объем прав акционера зависит от его имущественного вклада (статьи 2, 25 Закона об акционерных обществах)». Полагаем, что данная позиция может быть применена и к эмиссии опционов эмитента: так в случае, если в результате такой эмиссии и последующего размещения, а также воплощения опциона в акции эмитента (фактического погашения опциона) выяснится, что совокупный баланс прав акционеров, коррелирующих имущественному вкладу каждого из них, нарушился, такие сделки могут быть признаны недействительными.

Иллюстративно сошлемся на данные ученых-экономистов, по мнению которых информация о выпуске опционов эмитента в России является почти полностью закрытой и потому не позволяющей сделать достоверное и подкрепленное численными показателями суждение о степени вовлеченности этой ценной бумаги в гражданский оборот. Одновременно специалисты расчетным путем приходят к выводу о том, что выпуск опционов эмитента может привести к снижению инвестиционной ценности его акций.

Проанализированные особенности генезиса правовой конструкции опциона и ее воплощения в отечественном законодательстве наводят на мысли о фантомном характере этой ценной бумаги, малозначительности опциона эмитента как финансового инструмента в отношениях на финансовом рынке и в гражданском обороте, наличии ряда пробелов и противоречий в правовом режиме и необходимости серьезной ревизии норм закона об опционе эмитента.

Отдельный комплекс проблем доктринального характера составляет соотношение понятий опциона эмитента как ценной бумаги, опционного договора как вида производного финансового инструмента, опциона на заключение договора и опционного договора как видов договорных конструкций, предусмотренных Частью Первой ГК РФ. В решении таких проблем видится одно из перспективных направлений дальнейших научных исследований.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

(ежегодник)

ВЫПУСК 3

predprin.psu.ru

Корректор

А. В. СЯТЧИХИН

Компьютерная верстка:

Т. А. БАСОВА

Подписано в печать 02.06.2020. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 5,7. Тираж 100 экз. Заказ 66

Издательский центр

Пермского государственного национального исследовательского университета

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15